

Вячеслав Сукачев

Роман

Крис и Карма

КНИГА ПЕРВАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вячеслав Сукачев

Крис и Карма. Книга первая

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Сукачев В. В.

Крис и Карма. Книга первая / В. В. Сукачев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-04798-3

Роман В. Сукачева "Крис и Карма" можно отнести к списку таких произведений, как "Мастер и Маргарита" М. Булгакова или "Альтист Данилов" В. Орлова. Жанр мистического реализма - один из наиболее сложных и загадочных. В этом жанре вымысел не является центром основного содержания, но он всегда влияет на его развитие. Один из героев случайно покупает в Таиланде необычный кинжал - крис. Вскоре он узнает о смертельной опасности, исходящей от криса и пытается избавиться от него. Но кинжал вновь и вновь возвращается к нему... И всегда рядом с крисом оказывается загадочная женщина Карма, влияющая на события и судьбы героев романа. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-04798-3

© Сукачев В. В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

РОКОВАЯ ОХОТА	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава первая	5
1	5
2	9
3	12
Глава вторая	14
1	14
2	17
3	19
4	23
Глава третья	27
1	27
2	34
3	37
4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

РОКОВАЯ ОХОТА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

*«Списывать с действительности хорошо,
но выдумывать действительность – во много раз лучше»
Д. Верди*

1

Жизнь удалась. Это Толик Ромашов хорошо понимал. К тридцати годам – успешный риэлторский бизнес, красивая жена, шестилетняя дочурка Дашенька и надежные друзья, с которыми он не один год разделял неистребимую страсть к охоте на крупного зверя. Впрочем, по зверю – это сейчас, когда реальная возможность появилась, а раньше они и самыми заухудлыми чирками на болотах не брезговали. Но это было раньше, а теперь – бери выше: опытные егеря, бывшие цековские, а то и вообще – заповедные уголья, к их услугам. Нынче у Толика одна проблема – где время взять...

– И куда это ты, черт возьми, прёшься? – вдруг услышал Толик раздраженный голос охранника у ворот. – Сказано же – пошла вон!

Ромашов ругани не любил, тем более – дома, а уж если кто при Дашке... Все это знали и язык держали на привязи. Правда, Даша с матерью сейчас в городе, марафет поехали наводить после отдыха в Таиланде. И все же, как говорят педантичные немцы, порядок превыше всего.

Свернув с главной аллеи на боковую дорожку, что напрямую вела к воротам дачной усадьбы Толика, он еще издали заметил там какое-то цветное мельтешение. И охранник, Петр Борисович, никак не унимался.

– Тебе же русским языком сказано, – заметив приближающегося Ромашова, перешел на свистящий шепот Петр Борисович, – иди отсюда подобру-поздорову... Не понимаешь, что ли? Так я щас собаку на тебя спущу...

Петр Борисович и в самом деле направился к собачьей будке, возле которой, похлопывая закрученным хвостом по земле, мирно сидела крупная сибирская лайка по кличке Амур.

– Отставить! – приказал Толик, хотя прекрасно знал, что собаку с поводка Петр Борисович никогда не спустит, да и лайки, как известно, человека не трогают. – Что здесь у тебя происходит?

– Да вот, Анатолий Викторович, на одну минуту калитку открытой оставил, а она – тут как тут, словно из-под земли выросла...

Напротив охранника, оперев руки в бока, с вызывающим видом стояла ярко наряженная цыганка. И Толик сразу подумал, что он ее где-то уже видел... Не то в аэропорту на таможне, не то в зачуханной лавчонке в Таиланде она вроде бы мимо него промелькнула. И вот – на тебе, на его даче вдруг оказалась. Ромашов даже плечами передернул, так неприятно ему стало, и в тоже время он почему-то глаз не мог от нее отвести. Слова Петра Борисовича, похоже, на нее никак не подействовали, а угрозу с собакой она и вообще мимо ушей пропустила. А вот услышав голос Толика, цыганка сразу же к нему повернулась, безошибочно угадав в нем хозяина.

– Зачем такого дурака возле себя держишь? – строго спросила цыганка, пристально вглядываясь в Ромашова огромными, черными глазами под крутыми арками выгнутых бровей.

– Ну, знаешь ли... – возмущился было Толик, но цыганка его перебила:

– Знаю... Все знаю. Потому к тебе и пришла...

Правду сказать, Толик Ромашов цыганок с детства побаивался. И не напрасно. Однажды ехал он в электричке в город за джинсами. Совсем молодой еще был. Сопляк. Мать деньги на эти джинсы полгода копила. Завернула в плотный конверт, заклеила и велела положить во внутренний карман. Для верности карман булавкой застегнула. Плотную, приятную тяжесть на левой стороне груди, у самого сердца, Толик все время чувствовал. Ближе к городу в вагон цыганки вошли, человек пять. Яркие, шумные, говорливые. Расселись по двум скамейкам у двери, семечки из кулчков лузгают, шелуху прямо на пол сплевывают. И никто им слова не скажет. Отвернулся народ. В окна смотрит. В книжки уткнулся. Один Толик с неожиданным для себя раздражением уставился на цыганок. А как же, он из семьи сельских интеллигентов. Мама у него – учитель немецкого языка, папа – врач в сельской поликлинике. Мало того, оба еще при советской власти в Москве отучились, театры посещали, музеи, само собой – выставки разные. Вот и воспитали Толика соответственно. По крайней мере, что шелуху от семечек сплевывать на пол нельзя – это он точно знал.

Вдруг одна из цыганок, самая молодая, с Толиком взглядом глаза в глаза встретилась. Широко улыбнулась ярко накрашенным ртом, поднялась, и к нему на скамейку пересела. Он только и успел заметить жгучие черные глаза, да круто выгнутые брови.

– А что это ты, мой золотой, такой сердитый? – певуче и насмешливо спросила она его. – Какой камень у тебя на сердце лежит?

Толик даже вздрогнул от неожиданности, за внутренний карман схватился, и от цыганки опасно ближе к окну посунулся. Правда, тут же и успокоился: привычная тяжесть плотного конвертика оставалась на прежнем месте...

Вышел он из вагона уже налегке и аккуратно сунул пустой конверт в подвернувшуюся урну. Одно Толик хорошо запомнил, что вытащил скопленные матерью деньги из конверта сам и добровольно передал молодой цыганке...

– Ну, как пришла, так и отваливай, – грубовато сказал Толик, справедливо разобиженный на все цыганское племя.

– Зачем так говоришь, золотой? – вдруг даже как испугалась цыганка, сверкнув огромными глазищами. – Я помочь тебе пришла... Большую беду от тебя хочу отвести.

– Какую еще беду! – совсем озлился Толик. – Сказал же я тебе – отваливай... И ты, Петр Борисович, чего варезжку-то раззявил...

Борис Петрович, чутко уловив раздражение хозяина, решительно направился к незваной гостье.

– Ты кинжал-то зачем в Таиланде купил? – перешла на свистящий шепот цыганка. – Тебе жена что говорила? Не покупай, просила она тебя, а ты не послушался, и теперь большая беда может у вас случиться... Правду говорю, золотой, истинную правду...

Движением руки Толик остановил охранника. На какой-то миг ему вдруг показалось, что это та самая цыганка, из вагона, ничуть не изменившаяся, словно и не прошло с той поры пятнадцати лет. И какой-то странный холодок торкнулся в самое сердце Толика, отчего ему вмиг стало зябко и неуютно. И еще – дремучий лес поблазнил ему, и он среди этого леса вроде как совсем один остался... И какой-то странный шум в этом лесу, какие-то тени – не то от деревьев, не то от набежавших туч...

– А вот с этого места – давай поподробнее, – мрачно сказа он цыганке.

В Таиланд они летали втроем: он, жена Тамара и Дашка. Два дня, как вернулись. Отдохнули хорошо, ну – очень хорошо! Жили в пятизвездочном отеле, где «все включено». Днем

и ночью купались в бассейне, загорали. Ездили на острова, в буддийские храмы, катались на яхте и катамаране. Одно было не очень – вода в заливе грязноватая. Но – не вопрос: в бассейне она отливала изумрудами.

Перед самым вылетом домой, накануне, поехали они на автобусе с экскурсией в тайскую деревушку. Погуляли, рисовой водочки откушали, какой-то гадостью из змеиного мяса закусили. Сок манго вволю попили. Дашке шляпку из тростниковой соломки купили. И уже перед тем, как податься в автобус, Толик зачем-то в случайно подвернувшуюся убогую лавчонку заглянул. Убогая-то она убогая, а зашли внутрь – там, в человеческий рост, золотой Будда прямо напротив входа сидит. Повсюду свечи горят (они потом часто Толику снились) и такой аромат от благовоний из сушеных трав, что голова кругом. Даша сразу же в амулет из разноцветных камушков вцепилась.

– Папа, папа, – тянет его за руку дочурка, – купи мне, пожалуйста, мулетку... Мулетку хочу!

– Амулет, а не мулетка, – строго поправила ее мать.

– Нас со всеми этими амулетами самолет не поднимет, – попробовал возразить Толик, да где там – купили. Для дочери – святое дело.

И вот Толик вдруг в самый угол этой лавчонки посунулся, словно его кто-то под локоток туда провел. И там, среди подсвечников из бронзы, маленьких и больших слоников, вееров и всякой прочей ерунды, он вдруг увидел необыкновенно изящную, пистолетной формы, деревянную рукоять кинжала, торчащую из красных ножен с металлическими заклепками. И как увидел, так уже взгляд не мог оторвать.

Осторожно взяв в руки ножны, Толик вдруг ощутил странную тревогу под сердцем. Он даже оглянулся на своих родненьких женщин, как называл их в минуты благодушия. А «родненькие» его с головой утонули в корзине с бижутерией. И тогда Толик еще более осторожно потянул клинок из ножен. Лезвие кинжала было отковано из какой-то старинной стали, может быть, даже – дамасской, с двумя небольшими углублениями для большого и указательного пальца. Но главное – оно было волнообразным, с ассиметричными пятнами на поверхности, в которых четко просматривался силуэт человека. Число волнообразных изгибов равнялось семи... Клинок, словно гадюка, опасно выполз из ножен, и сердце у Толика бешено заколотилось. Даже в самые тяжелые минуты встречи один на один с бурым медведем на Камчатке, оно у него так не билось... Что за хрень, невольно подумал Толик, но тут же обо всем забыл, потому что клинок его буквально заморозил. Таких изящных, таких плавных, таких элегантных линий он в своей жизни еще не встречал. Это потом, несколько дней спустя, Ромашов вдруг додумался до того, что лезвие кинжала неуловимо смахивает на Томкину фигуру до родов: те же плавные линии, соблазнительные изгибы в известных местах, то же неудержимое желание – подержать в руках...

Словно черт из шкатулки, вынырнул из-за золотого Будды хозяин лавчонки. Маленький, желтенький, как осенний лист в октябре, все лицо, словно кусок черепицы, в продольных морщинах, с небольшой бородкой клинышком и седой косичкой за спиной. Таец тут же затараторил свое «бао-сяо», сложив ладони лодочкой и прижимая их к тощей груди.

Подожли Томка с Дашуней, удивленно вытаращились на него, словно бы он живую змею или еще чего похлеще в руках держал.

– Зачем он тебе? – неприязненно спросила Тамара, опасливо скашивая глаза на Дашу: не дай бог ручонкой за лезвие схватится.

– Да ты глянь, какая красотища! – Толик Ромашов осторожно провел пальцем по лезвию, затем любовно огладил украшенную резным растительным орнаментом рукоять, как-то по-особенному скошенную к основанию.

– Не люблю я такие ножи, – презрительно поджала губы Томка и отвернулась.

– А какие ты любишь? – с усмешкой спросил ее Толик, не выпуская кинжала из рук.

– Я люблю кухонные, и чтобы они острые были, а не такие, как у нас, – не упустила возможности укорить Тамара. – Да и в самолет тебя с ним не пустят...

– А я его в багаж вместе с чемоданом сдам, – возразил Толик, – долетит, как миленький.

– Хороса нозика, – вдруг снова подал голос хозяин лавчонки. – Сибко хороса... – и согнулся в три погибели, так что жидкая седая косичка через плечо свесилась.

– Не бери! – вдруг побледнела Тамара, и даже шаг вперед сделала, словно заслоняя собою Толика от кинжала. – На кой он тебе сдался? У тебя же этих ножей дома хватает... Сколько их у тебя, ты уже и сам, наверное, не помнишь... Не бери, Толик, зачем он тебе? – тревожно повторила жена.

– Хороса нозика, – снова проблеял в поклоне таец, и вдруг высверкнул снизу вверх на Тамару сердитый взгляд.

И опять холодком обдало сердце Толика, и чувство близкой опасности ворохнулось в нем, но именно поэтому, как бы отменяя все эти глупости, он бесшабашно рубанул рукой:

– Ладно, беру! Сколько ты за него просишь?

– Совсем нискоко – сито батов.

– Баксов? – не поверив своим ушам, переспросил Толик.

– Зачем – баксов? – опять поклонился старый таец. – Я говори – сито батов.

Действительно, смешная сумма для такой игрушки, но спорить, естественно, Толик Ромашов не стал. Он заплатил, забрал ну просто шикарный кинжал, и поспешно, словно таец мог передумать, пошел вон из лавчонки. Надувшаяся Томка молча последовала за ним. Ничего не понявшая Дашка – следом, то и дело оглядываясь на необычного старичка. Таец выпрямился, сощурил и без того узкие глаза, и подобие улыбки скользнуло по его обезьяньему личику.

Но как и от кого могла узнать о кинжале эта ярко покрашенная, аккуратно завернутая в блескучие тряпки женщина? Знали о нем пока что только три человека: сам Толик, жена Тамара и Дашка. Все! Он даже перед друзьями-охотниками еще не успел похвастать своим приобретением. Да и когда? Сразу после приезда столько дел навалилось по работе и по дому, что про кинжал он просто-напросто забыл. Не до него пока было. И вдруг какая-то цыганка, чудо в перьях, ему о нем напомнила.

– Пошли, – вдруг решительно заявила цыганка и, схватив за руку, повела Толика в беседку. – Садись и слушай меня внимательно, золотой. Слушай и запоминай...

– Откуда ты про кинжал знаешь? – вякнул было Толик, но Эсмеральда, или кто она там на самом деле, и слушать его не стала. Неуловимым движением она извлекла из своей яркой одежды изрядно потрепанную колоду карт, и быстро раскидала ее на столе.

– Смотри сюда, золотой, смотри внимательно! – прошелестела она зловещим шепотом, вновь хватая Толика Ромашова за руку. – Видишь, как карта легла? – и потянула его ближе к столу, и рука у нее оказалась неожиданно твердой и сильной. – Плохо для тебя карта легла. Совсем плохо... Зачем ты этот кинжал в Таиланде покупал? Почему жену свою не послушал? – опять спросила она и укоризненно покачала головой.

Толик, неожиданно обмякший от этих слов, ничего не соображающий, впервые взглянул странной женщине прямо в глаза. И словно провалился в темную, бездонную пропасть, опасно втянувшую в себя его взгляд. Все дальнейшие слова цыганки он вспоминал потом, как дурной сон, привидевшийся ему не то спяну, не то с устатка...

– Тебе от этого кинжала надо срочно избавиться, – зловеще говорила цыганка. – Выбрось его куда подальше и не жалея, что сто батов напрасно потерял... И забудь, золотой, совсем забудь про него. Не простой это кинжал, ох – не простой...

«Ну да, я выброшу, а ты подберешь, да?» – начал было думать Толик, но удивительная цыганка эти мысли его мгновенно прочитала.

– Да не нужен он мне, – усмехнулась она, – даром не нужен твой кинжал... Нельзя мне с ним, никак нельзя – старик запретил... А вот тебе – тебе смерть от него будет, вот что я хотела сказать. И карты об этом же говорят. Так что, золотой, послушай меня и выбрось его куда подальше, и чем раньше ты это сделаешь – тем лучше для тебя будет...

И так она это проговорила, так Толик пропитался вдруг неясной тревогой, что поверил он цыганке. Совсем поверил. И больше ничего не сказала ему эта странная женщина, молча собрала карты, молча же приняла от него крупную купюру, которую он непонятно зачем протянул ей. И растворилась цыганка, исчезла, словно никогда и не была.

2

Есть непонятное очарование в самом зачатке осени. Еще вчера стояли яркие, безветренные дни, стремительно взлетали и падали в слюдянистом блеске от солнца стрекозы, прыскали с болота на болото утята-подлётёши, а сегодня вдруг напахнуло перед рассветом легким ветерком и стало понятно – лету конец. Нет, еще не осень, еще и жаркие дни будут, и комары досаждают будут, и зеленые листья над головою шуметь, ах – все уже не так. Может быть, предчувствие осени в нас самих, в нашей утомленности от летнего зноя, но глядь, а уже словно желтый сквознячок по осинкам прошел. А там ольха и березка робко начали примерять яркие осенние наряды. И звонче стали голоса людей по утрам, и все большими стаями заполоскали крыльями разномастные птицы над головой. Нет, это еще не отлет на зимовку, это лишь проба сил перед дальней дорогой, разминка, сколачивание строя и порядков. А вот стрижи вдруг разом исчезли, хотя никто и не заметил их отлета. Просто вроде как больше стало воробьев, этих мужественных серых аборигенов, никогда и ни на что своих отчих краев не меняющих. Да взлохматили леса и перелески громкие и нетерпеливые голоса людей – за первыми осенними груздочками пожаловали грибники.

Для Михалыча эта пора – самая беспокойная. Народ валом валит из города за ягодой и грибами, и почти всякий норовит забраться в самые укромные места, где хоронится днем от разной напасти вверенный его попечению разномастный зверь. Никакие шлагбаумы и знаки нынешним отморозкам не помеха. Прут и прут они в леса и на полевые уголья, как к себе домой – пешком, на велосипедах, мотоциклах, мотонартах, вездеходах и джипах. Правда, в последние два-три года эти люди слегка поутихли, потому как наконец-то подросли законы, жестко окорачивающие лесных разбойников. Конечно, безобразий еще хватает, но пришла вдруг Михалычу подмога с самой неожиданной стороны: его постоянные клиенты, что каждый год здесь охотятся, наконец-то сами озаботились сохранением угодий. А люди они в большинстве своем денежные, влиятельные и с очень длинными руками – где хочешь достанут. Охотинспектора не достают, полиция не достает, они – запросто. И стоило этим господам двух-трех самых ярых браконьеров в оборот взять, как остальные тут же хвосты поприжали. И такое Михалычу от этого послабление вышло, что он по ночам наконец-то высыпаться начал, и к зимним зверовым кормушкам теперь не таясь ходит.

Где-то в начале июня прошлого года случился у Михалыча на участке сураз: подобрал он в буреломной чаще месячного лосенка. У малыша была сломана левая передняя нога, и сломана – почти у самого основания копыта. Делать нечего, поволок Михалыч раненого лосенка к себе на кордон. А там его уже дожидался внук Николка, недавно вернувшийся со службы в доблестных российских войсках. Вместе они лосенку из березовых плашек надежную шину на покалеченную ногу соорудили, натуго перевязали и коровьим молоком его напоили. Пока с ногой возились, лосенок фыркал, отчаянно брыкался и даже умудрился головой Михалычу под дых так захватить, что у того слезы из глаз покатались. Но как только дело дошло до бутылки

с молоком, на которую Михалыч приспособил отрезанный от перчатки резиновый палец, для верности проколотый в трех местах, лосенок так зачмокал, так умильно огромные глаза прикрыл, что любо-дорого посмотреть.

– Сколько ему? – уважительно спросил Николка.

– Месяц-полтора, не больше, – ответил Михалыч. – Почти все дикие копытные в мае телятся, чтобы, значит, к молодой зеленой травке подгадать.

– А почему мать его бросила? – белобрысый Николка, шебутной и задиристый в селе, неожиданно притих, осторожно придерживая малыша за вздрагивающий круп, и исподлобья поглядывая на деда.

– С чего ты взял, что бросила? – строго взглянул на внука из-под густых рыжих бровей Михалыч. – Это тебе не передача Андрюхи Малахова, по которой все и всех бросают. Это там, у него, то дети родителей ищут, то – родители детей. Совсем свихнулся народ, а Малахов им потакает, тащит всех подряд на телевидение. Они и рады стараться... А в природе, Николка, шалишь, в природе пока еще все по строго определенному порядку идет. Она-то, мамка его, наверняка поблизости стояла, ждала, чем дело кончится. Бывали случаи, что в такой ситуации матки и охотников с ружьями копытами забивали. Зверь это серьезный, в гневе – шибко опасный. И потому, ежели тебе лосенок где в лесу повстречается – будь начеку, а лучше всего – обойди его стороной.

– Деда, а как же она тебя не тронула? – удивился Николка.

– Ну, меня... – Михалыч даже засопел от возмущения. – С какой такой стати она меня трогать будет, ежели знает не менее трех лет, и каждый клочок сена или там венички березовые, что я летом заготавливаю, а в снежные зимы в кормушки кладу, насквозь мною пропахли... Нет, внучек, шалишь, никогда они меня не тронут. А вот до самой просеки пообочь тропы его мамка меня проводила...

– А ты как об этом знаешь? – удивился Николка и, словно мальчишка, шмыгнул долгим носом, а потом еще и рукавом утерся.

– Оттуда и знаю, что слышал я ее... Да она от меня не очень-то и таилась. Кордон мой они хорошо знают. Зимой, бывало, я только Серка из стойла вывожу, а они уже со всех сторон к кормушкам потянулись. Зверь, он человека чувствует, ему для этого никаких университетов не надо... А вот осенью, во время гона – другое дело. Тут уже – не подступись, никакого кумовства они не признают в эту пору.

Тем временем лосенок, полуторалитровую бутылку молока высосав, явно притомился, и начал кружить по загону, выбирая место для лежки. Раненая нога в шине ему сильно мешала, и он то поджимал ее, то начинал трясти, мотая головой и взмывая от боли.

– Ишь ты, малой, никак лечь не приспособится, – проворчал Михалыч. – Ну, ничего, потихоньку обучится...

С этими словами он ловко подхватил лосенка и аккуратно уложил на мягкую солому, заранее постеленную в углу загона. И лосенок, словно всю жизнь его таким вот образом спать укладывали, шумно вздохнул, пару раз прынул длинными ушами, прикрыл влажные глаза и мирно засопел.

– Умаялся, бедолага, – сказал Михалыч, аккуратно прикрывая за собою дверку загона. – Шутка ли – такой стресс пережить... Не случись меня на тот момент, его любая собака запросто загрызть могла. А их сейчас в лесу, вместе с грибниками, прорва.

– Деда, а ты уже решил, как мы его назовем? – задумчиво спросил Николка.

– А как скажешь – так и назовем, – усмехнулся Михалыч, и выжидающе уставился на внука.

– Давай его Яшкой назовем? – улыбнулся довольный внук.

– Давай, – легко согласился Михалыч.

За полтора года Яшка вымахал почти что в самого настоящего взрослого лося. Длинноногий, с высокой холкой, большой горбоносой головой и маленьким символическим хвостиком, он своим внешним видом слегка напоминал лошадь. Особенно выделялась у Яшки голова, несоразмерно крупная, она словно бы принадлежала другому животному.

Всю зиму Яшка простоял в загоне на полном кормовом обеспечении. Сена и кормовых отходов Михалыч для него не жалел. Да и Николка, почти каждые выходные наезжавший к деду из села на мотоцикле, Яшку не забывал. То комбикорма ему привезет, то пару буханок хлеба, а уж несколько кусочков сахара-рафинада, любимого лакомства молодого лося, это все непременно. И Яшка, одному ему ведомым путем распознавая среди прочих дней субботу, уже с утра начинал нетерпеливо хоркать, ворочать из стороны в сторону лобастой головой, и сторожко прядать ушами.

В конце апреля Михалыч решил: пора Яшку на волю отпускать. Мол, хватит ему в нахлебниках ходить, сколько можно – вон какой лоб вымахал. Николка было в пузырь полез, не хотелось ему со зверем расставаться.

– Деда, тебе что, сена для Яшки жалко? – язвительно спросил он, узнав о решении Михалыча.

– Жалко – не жалко, – усмехнулся Михалыч, а коровку мою с меринком он основательно объедает. Полтонны сена, не меньше, в его утробу ушло.

– Не бойсь, – нахмурился Николка, – я этим летом стожок сена ему сам поставлю...

– А вот это – без надобности.

– Как так? – удивился Колька, хлюпая вечно простуженным длинным носом.

– Да так, – Михалыч, сидя за кухонным столом, чинил конскую сбрую, которая в двадцать первом веке стала жутким дефицитом и без которой тем не менее никак нельзя было на кордоне обойтись. Николка, слегка припухший после ночной дискотеки, потягивал пиво. – Ты сам, Николка, посуди. Вымахал твой Яшка уже больше моего Серка, и скоро ему в нашем загоне тесновато будет. А мозги-то у него – куриные... Мало того, что он без родительского воспитания остался, так еще и в загоне у нас, как в тюрьме сидит...

– Ну и что теперь? – подозрительно спросил Николка.

– А то, что пора ему к своим родичам возвращаться, пока он все навыки природные окончательно не растерял. Лето для этого – самая благодатная пора. Без корма он теперь никак не останется. Да и matka его, как я полагаю, где-то поблизости обретается. Лось хоть и долгоног, но большие концы делать не любит, толчется все больше в знакомых местах.

– Жалко, – опять Николка вздохнул. – Скучно без него будет.

– Да ты погоди прощаться, – улыбнулся Михалыч. – Он сразу-то вряд ли уйдет. Его еще палкой отгонять придется. А вот осенью, когда у них гон начнется, тогда, Николка, ежели его не отпустить, он нам не только загон, а и домишко мой по бревнышку раскатает. Ты вон, на себя посмотри: по дискотекам-то своим чертовым совсем извелся, исхудал, один нос только и остался. И попробуй, удержи тебя, хо! – Михалыч отложил в сторону хомут, глянул в окно – день на вторую половину перевалил. – А тут зверь, к тому же дискотека у него всего-то две-три недели в году бывает. Усек?

– Усек, – засмеялся Николка. – А все равно жалко мне его отпускать.

И отпустили. Открыли настежь ворота в загон. В сторону отошли. А Яшка лишь волочащими глазами в их сторону повел, да большими ушами стриганул.

– Ну, Яшка, давай, двигай! – подбодрил его Михалыч. – Двигай, не задерживай, так скажать – на вольные хлеба.

Николка выжидательно молчал. Было видно, что он рад такому Яшкиному поведению. Потом Михалычу сказал:

– В селе мужики смеются. Говорят, что мы с тобой окончательно свихнулись. – Николка возбужденно засопел. – Мол, триста кило отборного мяса сами из рук выпускаем. И даже в деньги все это перевести успели. Подсчитали, что если на рынке мясо продать – почти девяноста тысяч рублей получится...

– Ого, – хитро сощурился Михалыч. – Если на мою зарплату перевести – полгода работать надо. А тебе, Николка, в аккурат на новый мотоцикл хватит, и даже – с коляской. Есть о чем подумать, а, Николка? Может, ворота притворить, пока не поздно? – и Михалыч сделал такое движение, словно и в самом деле собирался запереть загон.

– Да ладно тебе, деда, – нахмурился Николка. – Я ведь тому, кто на Яшку руку поднимет, голову запросто оторву...

– Ну-ну, – неопределенно хмыкнул Михалыч, взял хворостину и пошел в загон. – Давай, Яшка, давай на волю, – словно корову, легонько хлестнул он его по крупу хворостиной. – Давай, пока лихие люди тебя на котлеты не перекутили.

И Яшка, словно осознав сказанное Михалычем, осторожно потянулся на выход.

3

«Милый, любимый, дорогой, – писала в эсэмэске Светка, – я так по тебе соскучилась. Я так тебя люблю. Ты сегодня уехал, а я места себе не нахожу. И знаешь, всякие глупые мысли в голову лезут. Думаю, а вдруг ты в вагон-ресторан пошел. А там какая-нибудь фифа из филармонии отбивную кушает. И мест больше нет. Только возле нее. Вот ты взял к ней и подсел. Ой, извини, тут ко мне клиентка пришла. Потом допишу».

«Не майся дурью, – пишет в ответ Вадик, а кое для кого – Вадим Сергеевич. – Какой ресторан, если ты меня беляшами на неделю загрузила. Правда, бутылку пива я купил, было дело, потому что в купе нашем жара невозможная. Я тоже скучаю. А что толку – у меня работа такая, сама знаешь. Все время на колесах. Целую».

Вадик работал на небольшой мебельной фабрике, специализирующейся на производстве кухонь и шкафов-купе для прихожих. В его непосредственные обязанности входил сбор заказов на изготовление индивидуальной продукции. Дело вроде бы нехитрое, но требующее обязательного умения контактировать с заказчиками и кое-что понимать в этой самой мебели. Вадик понимал, поскольку в свое время закончил строительный институт, да и руки у него из правильного места росли. А что касается заказчиков, особенно – заказчиц – никаких проблем! Почти два метра роста, жгучий брюнет, аномально голубые глаза... Есть вопросы? И у Вадика их не было, а вот заказы – были. А женщины, если начинали заказывать – удерживать им не было. И Вадика на работе за беспримерную работоспособность очень ценили. У него даже свой собственный, отдельный офис в центре города имелся. С хорошей мебелью, компьютером, кожаным диваном и цветами в горшках. «А диван-то зачем?» – спросили ревнивые сотрудники у шефа. Шеф засмеялся, многозначительно подмигнул Вадика и весело ответил: «Я полагаю, что этот диван мне не только аренду офиса, но и кое-что еще покроет... А ты как думаешь, Вадим Сергеевич?» И Вадик, имевший удивительную для его возраста способность краснеть, опустил густые ресницы и прямо-таки залился краской.

«Паразит! – писала в следующем послании Светка. – У тебя всегда все с пива начинается. Ты и ко мне в первый раз с бутылкой пива пришел. Вспомни. Уселся в кресло, а пиво на столик поставил. Меня потом хозяйка прессовала по полной программе. Мол, чего это ты в моей парикмахерской ресторан устроила. И чем все это кончилось? Так что с пивком ты там заканчивай. Хватит, попил ты нашей кровушки, паразит! А я так по тебе уже соскучилась, так соскучилась, что сил моих нет... Приедешь, я тебя под ноль изничтожу, так и знай... Ой, извини, работы много. Целую».

Вадик довольно усмехнулся и отложил телефон. Светка, конечно, классная телка, не зря он на ней женился. И в постели она – супер! Но уж больно ревнивая... Вечно ей женщины возле Вадика мерещатся. А у него работа такая – без женщин никак. Чем больше контактов – тем больше заказов. И с каждого заказа Вадику процент идет. Поэтому бабло у Вадика не переводится, и обручальные кольца у них со Светкой не простые, а с дорогими брюликами...

– Что будем заказывать? – наконец-то нарисовалась перед Вадиком официантка, невысокая, полненькая и с такими грудями...

– Котлету по-киевски, двести грамм «Парламента» и салат «Столичный», – солидно распорядился Вадик, хотя минуту назад хотел ограничиться курицей и еще одной бутылкой пива.

– Все? – официантка была слегка косовата, и Вадику казалось, что она смотрит не на него, в то время как он глаз не мог оторвать от двух выпирающих из-под форменной кофточки шаров.

– Да есть у меня еще один заказ, – широко улыбнулся Вадик, с трудом отрывая взгляд от вызывающего оторопь бюста.

– Это – потом, Котик, – влет поняла его женщина, убирая в карман синего форменного фартучка блокнотик и карандаш. И, ответно улыбнувшись, добавила: – После одиннадцати... Дотерпишь, Красавчик?

– Не вопрос, – сразу успокаиваясь, солидно ответил Вадик.

– Вот и ладненько, Котик, – поправила прядь темных волос за ушком официантка. – Да, вместо салата «Столичного» я принесу тебе «Цезаря», он посвежее будет... А зовут меня, между прочем, Зина...

«Любимый мой! Мой – самый-самый, – писала в следующей эсэмэске Светка. – Мы уже закрылись. А я как представляю, что мне идти домой, а там тебя нет – удавиться, честное слово. Как хочешь, милый, а все-таки надо будет тебе другую работу поискать». В этом месте Вадик поморщился и глянул в окно на пробегающий мимо пейзаж. А что там, за окном? Чахлая растительность, истрепанные ветрами ели, синеватые в наступающих сумерках вершины сопки да кособокая низкая луна, вскачь несущаяся вслед за поездом. Изредка промелькнут тусклые огоньки нищих разъездов и полустанков, да встречный состав вдруг ударит плотной массой воздуха по окнам так, что зазвенят ложечки в пустых стаканах с посеребренными подстаканниками.

«Ты же с красным дипломом, Вадя, ты же у меня умница, а вечно за какими-то заказами гоняешься. Ведь не мальчик уже, гоняться-то, ты глава семьи у меня, вон какой клевый. Тебе другие масштабы нужны... Ладно, любимый, я тебе еще из дома напишу. А приедешь – я тебя просто зацелую. Понял? Целую, милый, целую тысячу раз и везде!»

«Масштабы» Вадика разозлили. Он на заказах, между прочим, двухкомнатную квартиру в престижном районе купил, тачка у него приличная, не стыдно к любому подъезду подкатить. Сама – в пух и прах разодета, одной обуви – на взвод парикмахерш хватит. А про мебель и говорить нечего – один импорт и евроремонт в квартире...

– Заскучал, Котик? – на столе появился салат и графинчик с водкой. И сразу было видно, что водка холодная, – графин мелкими капельками покрылся.

– Что за имя у тебя такое, несовременное? – спросил Вадик. – Никогда раньше не встречал...

– Ну, вот и встретил, – ласково улыбнулась ему женщина. – Как раз прибавка в твою коллекцию будет.

– Какую коллекцию? – слегка растерялся Вадик.

– А то ты не понимаешь? – Зина весело смотрела на него. – Ну, приятного аппетита тебе, Красавчик...

Ее умопомрачительные груди едва не касались щеки Вадика. В какой-то момент он даже нестерпимый жар, исходящий от них, реально почувствовал. У Вадика голова закружилась, когда он представил это живое тепло под своими ладонями.

– Будет, все тебе будет, Котик, – словно прочитав его мысли, сказала Зина и легонько тронула его за плечо, – потерпи.

«Светка-Ранетка, – поспешно давил клавиши мобильного Вадик после первой рюмки, – ну, о чем ты? Не заморачивайся, все будет путем! Я скоро вернусь, и ты меня обязательно уделаешь. Не вопрос! Тут у меня соседи, с ребенком. Спать хотят. Да и мне пора на боковую – завтра тяжелый день будет. А «масштабы», Светик, у меня правильные, не сомневайся. Игорь с Мишкой в солидных строительных конторах работают, ведущие специалисты, ты об этом знаешь. И что? У них то заказов нет, то финансирования. Вечно на подсосе сидят, а я так не хочу. Да и о чем разговор, я же для тебя стараюсь, для моей лапочки. Я тебя тоже очень-очень люблю! Целую. И не скучай ты так без меня, скоро встретимся. Все! На этом отключаюсь, а то неудобно перед соседями с ребенком...»

Вадик с удовольствием придавил красную кнопку и перевел дух. Слава богу. Как говорится – теперь он до утра свободен. Он не спеша налил себе полнехонькую стопку, двинул поближе салат «Цезарь», и в это время услышал приятный женский голос над головой:

– К вам можно?

Вадик вздрогнул от неожиданности и поднял взгляд. Возле его столика выжидательно замерла красивая женщина в элегантной кремовой шляпке, бежевые перчатки и туфли говорили о том, что эта женщина знакома со вкусом, а строгий вечерний костюм выгодно подчеркивал роскошные формы. Опешивший Вадик окинул взглядом вагон-ресторан, который, пока он писал эсэмэски, почти заполнился шумными, разговорчивыми пассажирами. Даже за самыми невыгодными столиками, у входных дверей, сидели люди.

– Нельзя? – искренне удивилась женщина и капризно надула полнехонькие губки.

– Да нет, пожалуйста! – вскочил смущенный Вадик, поспешно отодвигая стул с противоположной стороны столика. – Извините, я просто задумался...

– Бывает, – женщина легко опустилась на предложенный стул и оценивающе посмотрела на Вадика. – Меня зовут Маргарита Иосифовна. Я работаю в краевой филармонии. Еду в командировку в город Ещенск.

– Очень приятно, – галантно склонил голову Вадик. – Я тоже еду в командировку и тоже, представьте, в Ещенск... Зовут меня Вадим Сергеевич, но для вас я – просто Вадик.

– Просто Марго, – решительным движением Маргарита Иосифовна протянула руку в перчатке. Вадик поспешно протянул свою, и ему потребовалось некоторое усилие, чтобы отпустить эту мягкую, эту беспомощную и так много обещающую кисть женской руки.

Глава вторая

1

Толик еще какое-то время посидел в беседке, одиноко наблюдая за тем, как Амур скрадывает мотающихся возле его будки голубей. Конечно же, голубей интересовала собачья миска с остатками пищи, а не его будка, точно так же Амур хрен положил на Петра Борисовича, хотя упорно делал вид, что смотрит именно на него. И так вот всегда и со всеми в этом лучшем из лучших миров: все друг друга скрадывают, все друг друга схарчить норовят, хотя и смотрят в другую сторону... У Толика Ромашова, пока он этот «закон джунглей» не понял, долго ничего в бизнесе не получалось. Все у него, по выражению старого друга Мартына, дебет с кредитом

не сходились... Всегда в самый неподходящий момент кого-то спасти надо было, пощадить, беду отвести. И Толик спасал, отводил, прощал и никак понять не мог, почему это его друзья по бизнесу год от года в весе прибавляют, а он едва концы с концами сводит. И вроде бы все правильно делает, балду не гоняет, крутится, как Шарик подзаборный, а бизнес в рост не идет. И вот когда совсем было отчаялся Толик и на бизнес и на себя собрался рукой махнуть, мол, не по Сеньке шапка, Мартын ему глаза и открыл. «Жалость, – сказал Мартын, – она всегда за твой счет идет. Твои риэлторы больше моих почти в два раза получают. Почему? А потому, что они рассказали тебе, как плохо и бедно живут, а ты им поверил. Они у тебя левые сделки проворачивают, а ты опять их жалеешь, мол, не от хорошей жизни. Ну и так далее – ты сам об этом не хуже меня знаешь. А ты не ленись, сядь за компьютер, посиди пару дней и попробуй посчитать вот такие упущенные выгоды за весь год. Уверю тебя – мало не покажется. И все это ты можешь смело записать в свою индивидуальную графу – жалость». Толик не поленился, сел за компьютер и посчитал, включая сорок пять тысяч деревянными, которые он совсем недавно на нужды подшефного детдома отстегнул. Сумма получилась просто обалденная. С таким баблом можно было еще пару-тройку филиалов смело открывать... Потом, когда открыл, когда бабло осязаемым ручейком на счет потекло, Толик Ромашов хорошую поляну для Мартына организовал. И с той поры, как опять же говорил Мартын, где жалость была – там хрен вырос. Вроде бы все просто, все понятно, а Толику два года понадобилось, пока просек...

Нет, не случилось праздника у Амура – голуби проворнее оказались. Но и Амур молодец! Что маху дал – вида не показал, склонился над миской, зашлепал красным языком, вроде как за этим только и вставал.

Чертова цыганка не шла из головы. И чем дальше – тем тревожнее было на душе у Ромашова. Слишком много совпадений, непоняток и предчувствий свалилось вдруг на него, чтобы взять и просто отмахнуться от этой ниоткуда возникшей проблемы. Шестым чувством, кожей, напрягшимися нервами Толик ощущал реальную опасность, вставшую перед ним после разговора с цыганкой. В самом деле, кто она такая, откуда взялась, как узнала про Таиланд и кинжал? Теплилась смутная надежда, что Томка успела кому-то рассказать о непонравившейся ей покупке. Но, во-первых, Томка никогда в его дела не лезла, а во-вторых – никаких знакомых цыганок у нее отродясь не было. И что получается в результате?..

Изрядно продрогнув, Толик вышел из беседки. В нерешительности постояв на садовой дорожке, он заглянул к Петру Борисовичу, настроившемуся почаевничать.

– Смотри, Борисыч, – строго сказал Толик своему сторожу, – варежку не разевай – накажу...

– Как можно, Анатолий Викторович! – вскочил всегда расторопный и в меру услужливый Петр Борисович. – Я ведь только на минуту и отлучился, мусор вынести... Ведь всегда по утрам выносил и ничего... Как она прошмыгнула – не пойму... Прямо ведьма какая-то...

– То-то и оно, что ведьма, – задумчиво подтвердил Толик. – Тем более – не пускать!

– Не беспокойтесь, больше такой номер у нее не пройдет, – горячо заверил хозяина расстроенный Петр Борисович.

Наконец Толик поднялся в свой кабинет, где на полу лежала шкура того самого бурого медведя, добытого на Камчатке, а на стенах красовались хорошо забальзамированные головы животных – личные охотничьи трофеи Ромашова. Были здесь, в простенках между окнами, сравнительно небольшие, но удивительно изящные, с шестью отростками, рога изюбра, на которых висели несколько охотничьих ружей, в том числе и любимый Толиком «Меркель» – вертикалка двенадцатого калибра. Теперь он задался целью добыть приличные лосиные рога с массивными лопатовидными отростками. И даже почетное место для будущего трофея у него уже было определено.

Справа от большого двухтумбового стола помещался у Толика Ромашова оружейный сейф, в котором он хранил серьезное оружие – боевой карабин и отечественное пятизарядное ружье МЦ. Сюда же, на нижнюю полку, Толик положил купленный в Таиланде кинжал. Хотя прятать такую красоту надолго он, конечно же, не собирался, мысленно подыскивая для него в доме достойное место.

Открыв сейф, Толик достал клинок в ножнах, положил его на стол, сел в удобное крутящееся кресло и надолго задумался. Ножей на свете много, думал Толик, при желании можно и лучше найти – не проблема. А вот собственная жизнь у него – одна. И если этой жизни хоть что-то угрожает, пусть даже и в такой вот малопонятной форме, со слов какой-то подозрительной цыганки, на это надо реагировать. Самое верное – выкинуть его к такой-то матери и навсегда забыть. Подумаешь, какой-то там кинжал из зачуханной тайской лавчонки... Да и пробыл-то он у него всего пять дней... Ну, вот не было этого кинжала в жизни Толика и – снова не будет... Что за проблема?

Толик осторожно потянул клинок из ножен и вновь поразился небывалому совершенству его линий, и вновь малопонятный холодок тревоги ворохнулся у него под сердцем. Толик вспомнил, как однажды на охоте они крепко подвыпили и по пьяни начали играть в карты. И Рустэмчик, горячий, вспыльчивый хакас, трижды оставшись в дураках, вдруг схватился за карабин и наставил ствол на Толика... «А вот я сейчас вас всех на хер положу, – мрачно сказал Рустэм, снимая затвор с предохранителя. – Таких умненьких – здесь и положу». И все вдруг почувствовали – положит. И в первую очередь – Толика, поскольку он напротив Рустэма сидел. И Толик Ромашов ощутил в тот момент (и на всю жизнь запомнил) тревожный холодок под сердцем, в аккурат в том месте, куда был направлен ствол карабина. Словно луч лазера проник под его кожу, смертельным узлом связав его с выходным отверстием карабина...

Рустэмчик злобно посверкал глазами, перегорел и опустил карабин, который сразу же перехватил нерастерявшийся Мартын. Больше они в карты с Рустэмчиком не играли, а вот ощущение смертельного холодка осталось с Толиком на всю жизнь. И вот теперь, при виде кинжала, купленного зачем-то за десять тысяч верст отсюда, в занюханной лавчонке косоглазого тайца с косичкой, Толик вновь пережил это неприятное чувство.

Вспомнив злосчастный вечер на таежном кордоне и Рустэмчика с карабином, Толик как-то сразу и окончательно определился. Убрав клинок в ножны, он достал из ящика стола пластиковый пакет, сунул в него кинжал, а потом завернул его в плотную оберточную бумагу и крест-накрест перетянул шпагатом. И с каждым движением по упаковке этого дьявольского клинка, решимость Толика расстаться с ним как бы удваивалась. А и в самом деле, ножей у него хватает, одним меньше – одним больше, какая разница? Главное, не заморачиваться и не создавать себе лишние проблемы.

Сверток свой Толик Ромашов сразу же унес на кухню и сунул в объемистый пластиковый мешок с отходами. В аккурат завтра утром за мусором должна была подъехать спецмашина. Ну и – в добрый путь, уважаемый, авось найдется для тебя, такого красавца, более надежный хозяин, я не против, думал Толик. Главное, поскорее выбросить все это из головы, и забыть...

Вернувшись в кабинет, Толик включил мобильный телефон и почти сразу же прорезался нетерпеливый звонок.

– Ты что, брат, свой мобилник не врубаешь? – даже не поздоровавшись, раздраженно спросил Мартын. – Совсем одичал в отпусках...

– Да закрутился я тут со всякими делами после приезда, – начал было оправдываться Толик, но Мартын его решительно перебил:

– Это, брат, твои проблемы, ты их и решай... А я тебе звоню, чтобы сообщить – Рустэмчику лицензию на быка подогнали. Так что – полный порядок.

2

Далеко Яшка не ушел. Правда, днем убредал в таежные чащи, кормился на просеках и по кочковатым марям, но на ночь обязательно возвращался на кордон. Здесь, в небольшом долбленом корытце, его всегда поджидала болтушка из комбикорма с отварными картофельными очистками. Яшка прямо-таки хрюкал от удовольствия, благодарно скашивая на Михалыча огромные влажные глаза под тяжелыми ресницами. Кормился он не спеша, солидно, часто вскидывая большую голову с удлинённой верхней губой, с которой падали в корыто мутные капли. Срабатывал инстинкт: кормежка – кормежкой, но бдительность терять нельзя, и лишний раз осмотреться – святое дело. Яшка осматривался, шумно вздыхал и опять припадал к лакомству. А уж если Михалыч расстарается и привезет с ближайшего водоема, где у него почти всегда сети стоят, охапку кувшинок, перемешанных с рогозом и осокой широколистной – у Яшки настоящий праздник.

– Ох и взmaterел же ты, Яков, – легонько похлопывая лося по крупу, восхищенно говорил Михалыч. – Ну, прямо трактор, а не животное. На тебе, знаешь ли, лес можно трелевать, если что...

Яшка внимательно слушал, двигал большими ушами, переступал с ноги на ногу и снова припадал к корыту.

– Конечно, глупость большую я делаю, – сетовал Михалыч, – что тебя подкармливаю. Я это понимаю, а себя перебороть не могу. Вся беда в том, Яшка, что людей ты совсем не боишься. А это может плохо для тебя закончиться...

Как и всякий человек, много времени проводящий в одиночестве, а особенно – на природе, Михалыч много и охотно разговаривал с животными, будь то его любимый песик Тузик, корова Марта или флегматичный, с ленцой, мерин Серко. Все они не один раз испытали неистребимую приверженность к разговорам своего хозяина, хорошо знали и разбирались в оттенках и нюансах его голоса, и даже научились так или иначе реагировать на перепады его настроения. И вот теперь, совершенно естественно, Михалыч пристрастился от души поговорить с новоселом. Бывало, Яшка часами безропотно слушал его речи, свесив тяжелую голову и смешно накрыв верхней массивной губой нижнюю, что означало полную удовлетворенность и жизнью, и собой, и Михалычем.

– Человека тебе, Яшка, надо бояться пуще огня, – озабоченно говорил Михалыч, сидя на огромном листовничном чурбаке для колки дров и попыхивая сигаретой без фильтра в янтарном мундштуке. – Человек, он страшнее пожара и любого волка. От пожара и волка, Яков, ты еще можешь убежать, ножищи-то у тебя вон какие длинные и сильные, а от человека – нет, не убежишь... Сам-то он – тьфу и растереть! – сплюнул себе под ноги Михалыч. – Один желудок у него ненажорный с кишками, да голова для равновесия. Куда ему за тобой угнаться? А вот пуля – догонит. Это трусливое и вечно голодное животное, чтобы набить свою ненасытную утробу, каких только приспособлений не изобрело... Ружья, петли, капканы, кольца с шипами, винтовки, карабины и даже яд – все это, Яшка, придумано против тебя. Раньше ты хоть ночью мог спокойно покормиться, мог чувствовать себя в относительной безопасности, а теперь – шалишь... Это двуногое чудовище придумало не только оптические прицелы, но и приборы ночного видения. А с ними тебе, Яшка, полная хана. От них ни на каких ногах не убежишь, ни в какой чаще не спрячешься... Так что проблемы у тебя серьезные, и надо нам с тобой что-то решать. Конечно, есть у меня надежда, что ближе к осени, когда кровь у тебя взиграет, потянешься и ты к какой-никакой комолой красоте... Обязательно потянет тебя к ней, и не спорь, Яшка, природу не обманешь, а там, глядишь, и прибьешься к какому-нибудь табунку, и уйдешь с ним на волю от греха подальше.

Яшка слушал, прядал ушами и тяжело вздыхал, словно и в самом деле догадывался о своей незавидной судьбе.

В субботу приезжал на мотоцикле Николка. Привозил комбикорм и обязательно – сахар для Яшки. А Яшка, заслышав треск мотоцикла, не заставлял себя долго ждать – ломился сквозь заросли, руша все на своем пути, словно боялся, что без него все лакомство Серко или Тузик слопают.

– Привет, деда! – кричал Николка, прислоняя своего железного коня к ограде. – Как Яшка, не сбежал?

– Да куда он от твоего сахара денется? – шурился против солнца Михалыч. – Я одного боюсь, как бы ты своим сахаром животине зубы не испортил. А ему ведь зимою этими зубами ветки деревьев и кустарников перетирать...

– Как – ветки? – удивился Николка, доставая из рюкзака пачку рафинада. – Ему что, сена будет мало?

– А кто ему сена-то в тайге наготовит? – усмехнулся Михалыч. – Я думаю, Николка, что этой осенью мы его на кордоне никакими лакомствами не удержим. Да и, слава богу, нечего ему здесь делать. Пусть к своим родичам уходит, там целее будет. А ты не переживай, корма ему в наших лесах хватит. У него желудок так устроен, что запросто переработает любые ветки – осины, тополя, черемухи, березы и даже дуба. А этого добра у нас на его век хватит.

Колька недоверчиво зыркал на деда из-под светленьких ресниц и заметно старался поворачиваться к нему левым боком.

– А я смотрю, Николка, с твоим приездом у меня на кордоне вроде как посветлело, – хитро сощурился Михалыч. – Да с таким фонарем, как у тебя под глазом, можно в любую темень по тайге ходить. Ну и правильно, Николка, пусть не нарываюся.

– Да это все из-за Люськи, – оправдывался внук. – Она же в станционном буфете работает, а там, сам знаешь, всяких хватает, и все липнут к ней...

– А ты женись, чтобы не липли, и дело с концом, – посоветовал Михалыч.

– Мне, деда, и мамка об этом говорит, – задумчиво почесал рыжую репу Николка. – Да что-то не хочется пока. Пойдут пеленки-распашонки, а у меня сегодня работа есть, завтра – нет. Так что подожду пока, осмотрюсь. Может, в город перееду, там работа завсегда есть, а потому и перспективы другие.

– Ну, смотри-смотри, – не стал настаивать Михалыч. – Хозяин – барин.

Между тем дни быстро сокращались. После двадцать второго сентября они стали короче ночей и все продолжали убывать. Но зато сказочно обрядился лес: буквально пламенем полыхнуло по вершинам стройных осин, золотом покрылась липа, горит и никак не может сгореть приречный клен, и лишь ольха, словно и не ждет зимы, все еще на удивление зелена, как летом. Богата, словно среднерусская купчиха, по осени тайга. Вкуснейшие орехи дарит лещина, яркими новогодними лампочками горят плоды шиповника, на дубах забурели желуди, тяжелые кедровые шишки клонят к земле могучие ветви. В ясные дни все чаще в прозрачном воздухе серебрятся нити многочисленных паутинок: это перелетные паучки-тенетчики без устали украшают «бабье лето».

В очередной раз приехав к деду на кордон, вместе с сахаром достал Николка из небольшого рюкзака широкую красную ленту.

– Деда! – позвал он Михалыча. – Я нашему Яшке классный галстук привез на шею.

– Какой еще галстук? – выходя из пригона, удивился Михалыч.

– А вот, смотри сюда, – Николка покрутил красную ленту в руках. – Люська к нему даже специальную застежку пришила.

– Ну, и зачем зайцу стоп-сигнал? – не понял Михалыч.

– Ты же сам говорил, что скоро охотничий сезон открывается... Вот я и подумал, что нашего Яшку надо как-то отметить, чтобы видно было – он не дикий, стрелять его нельзя. Ну, как собаки с ошейником. – От собственной сообразительности Николка так и сиял.

– Молодец! – одобрил Михалыч. – Это ты хорошо придумал. Дай-ка сюда, посмотрю.

– А чего смотреть, – торжествовал Николка, – цепляй Яшке на шею и – вперед. Классно получится, вот увидишь.

– Прицепить – не проблема, – Михалыч внимательно рассматривал мягкую, эластичную ленту, особенно – застежку из пластмассы. – Да как бы нам Яшке не навредить...

– Это еще почему? – не понял Колька.

– А потому... Ты знаешь, как его примут в стаде с этим твоим галстуком? Не знаешь... А там пижонов не любят и к себе не подпускают. – Михалыч попробовал ленту на разрыв – она не поддалась. – Прочная, – одобрил он, будет держаться...

– Ну, а стадо? – насуплено спросил Николка.

– Думается мне, что к тому времени, как Яшке к стаду прибаваться, выгорит твоя лента, если вообще не порвется, и никто ее не заметит.

3

Хорошая музыка мягко обволакивала, манила, обещая какую-то неземную, возвышенную жизнь. Вадик просто тащился от этой музыки, от выпитых двухсот грамм, котлетки по-киевски, необычайно вкусной, сочной, буквально тающей во рту. Но больше всего он тащился от соседки напротив, несравненной Маргариты Иосифовны – просто Марго. Ну что за прелесть были у нее глаза: цвета грецкого ореха, живые, энергичные, подзадоривающие и манящие. Вот эти глаза и музыка, двести грамм «Парламента» и запах дорогих духов, который даже ресторанный воздух не в силах был перебить, окончательно вскружили бедному Вадиду голову.

– Будьте добры! – энергично пощелкал он пальцами, издали завидев в проходе между столиками полногрудую Зину.

– В чем дело? – минут через пять подошла к нему официантка с привычным блокнотиком и карандашом в руках.

– Э-э, – вдруг смутился Вадик, впервые ощутив что-то вроде беспокойства. – Мне бы это, повторить, – промямлил он уже не так решительно, боковым зрением перехватив удивленный взгляд сощурившейся Марго.

– Повторить – так повторить, – невозмутимо ответила Зина, что-то быстро отмечая в своем блокнотике. – Что-нибудь еще?

– Да-да, – торопливо закивал Вадик. – Какую-нибудь закуску... Ну, может быть, селедочку...

– Селедочка у нас идет с луком, – усмехнулась Зина и, хоть убей, но вдруг показалось Вадиду, что они как-то понимающе переглянулись с Маргаритой Иосифовной.

– Ну и что? – здесь уже Вадик позволил себе слегка возникнуть, самую малость, но – возникнуть. Мол, в чем дело, кто тут заказывает музыку?

– Да ничего, – чуть ли не зевнула Зина, равнодушно глядя поверх головы Вадика. – Просто лучок у нас запашистый... Не боитесь соседей по купе? – И тут же повернулась к Маргарите Иосифовне. – А вы будете еще что-то заказывать?

– Пожалуй, я поддержу Вадима Сергеевича, – улыбнулась Маргарита Иосифовна, – и с удовольствием выпью еще один фужер белого вина. Кстати, мне оно почему-то напоминает рейнский «Бурбон» 2007 года... Если вы помните, тогда в Европе случилась засуха и виноград прирейнских долин удался на славу.

Вадик онемел: вот это Марго! Вот дает – вино влет определяет... Но, может быть, просто блефует? Ведь никто и ничего у нас в этих винах не понимает...

– Засуха у нас только у мужиков с похмелья бывает, – Зина сунула блокнотик в карман, забрала со стола грязную посуду и легко заскользила между столиками.

– Странная она какая-то, – задумчиво сказала Марго. – Чем-то сразу цепляет, хотя и ходит как полусонная...

– Вы тоже заметили? – почему-то обрадовался Вадик.

– Что значит – тоже? – усмехнулась Марго и перевела на Вадика свои сумасшедшие греческие глаза. – Я-то заметила, а вот вы, дорогой Вадим Сергеевич, на кого заглядываетесь? С вами такая шикарная женщина сидит, вам компанию составляет, а вы официанток разглядываете.

– Да это я еще раньше, до вас, заметил, – смутился Вадик, – пока заказ делал.

– Ну, в таком случае, я вас прощаю. – Марго подняла бокал. – Наливайте, что вам там принесли?

– «Парламент», – взбодрился Вадик. – Между прочим, отличная водка!

– Это не водка, Вадик, это – пойло! Вообще-то с женщинами, Вадим Сергеевич, надо пить не водку, поскольку она угнетает, и особенно – когда в большом количестве, а, скажем, выдержанный коньяк или бренди... Ну, да ладно, дело это поправимое, я вас обучу...

Ах, как ударило в голову Вадика от этих слов, как захотелось ему немедленно поступить в обучение к шикарной Маргарите Иосифовне... Основательно осмелев и возбуждись (нет, уважаемая и несравненная Марго, далеко не всегда и далеко не каждого водка угнетает, подумалось ему), Вадик решительно предложил:

– Знаете что, Марго, давайте выпьем на брудершафт! – и потянулся с рюмкой к Маргарите Иосифовне.

– Выпить-то мы выпьем, – невозмутимо ответила Марго, – а вот целоваться будем у меня в купе...

Заметив его растерянный взгляд, Марго слегка усмехнулась и пояснила: – Я ведь привыкла ездить одна. Знаете, бывают такие попутчики... Ну, вы понимаете...

– Конечно! – Вадик побледнел от хороших предчувствий. – Мне однажды такой старикан попался...

– Не будем о грустном, – вздохнув, прикрыла ореховые глаза хорошо ухоженными ресницами Маргарита Иосифовна.

– Конечно – не будем! – радостно поддержал ее Вадик.

Они чокнулись, Марго многообещающе качнулась над столом в сторону Вадика, и медленно, сквозь зубы, выщедила вино до дна. Поставив фужер на стол, аккуратно промокнула пухленькие губы салфеткой и решительно сказала опешившему Вадиду:

– Ну, я пошла...

Увидев его жуткое разочарование, она довольно засмеялась и продолжила: – А вы допивайте, извините, свою водку и приходите ко мне...

– Но куда? – чувствуя, как бешено колотится у него сердце, пробормотал Вадик. – Куда приходиться?

– Девятый вагон, купе номер семь. Стукните три раза... Но – не раньше, как через полчаса, – и улыбнулась, и поднялась из-за стола, держа спину удивительно прямо, и пошла, обдав Вадика ароматом французских духов.

И продолжала томить растревоженную душу Вадика инструментальная музыка тридцатых годов прошлого века, доносившаяся из мощных стереоколонок, установленных на полу возле буфетной стойки. Кто поставил музыку, кто менял диски, кто, наконец, управлял настроением Вадика через эту музыку, было непонятно. Никакого буфетчика или буфетчицы, да и вообще кого-либо, кроме Зины, он так и не заметил. Казалось, она одна обслуживает клиентов, разливает напитки, следит за стереомагнитофоном, кассирует деньги и, наконец, сама же готовит на кухне неправдоподобно вкусную для вагона-ресторана пищу. Вадик очень удивился, когда все это сообразил, и легкая тень непонятной тревоги вновь набежала на его взвол-

нованное будущим свиданием сердце. Но это длилось лишь одно мгновение, смешное и глупое мгновение, потому что вслед за ним встали перед мысленным взором Вадика аппетитные губки Марго, про которые почему-то говорят, что они бантиком, и полные орехового мрака вытянутые к вискам глаза, и четко обозначенная, хотя и небольшая, грудь этой несравненной женщины...

Волнуясь и спеша, Вадик наполнил рюмку, подцепил вилкой остаток салата и с удовольствием выпил, хотя и не почувствовал ни вкуса, ни крепости водки. Он удивился и тут же опрокинул в себя вторую стопку «огненной воды», которая показалась ему не крепче слегка забродившего яблочного сока.

За темным окном проносились жуткие просторы России, на которых не только две величайшие армии мира – Наполеона и Гитлера – можно было похоронить, но и все могущественные империи в момент их наивысшего расцвета, включая несравненную империю Александра Македонского и таинственную, словно из иной планетной цивилизации возникшую, империю Чингисхана. Все они бесследно растворились бы, словно горстка песчинок в океане, на просторах нечерноземной России, сгнули в бесконечных горных распадках, утонули в кочковатых марях, впаялись в липкий глинозем и, безусловно, вмерзли бы в бесконечную и бездонную тундровую зыбкость.

Темно за вагонным окном, неуютно, лишь мелькают бетонные столбы высоковольтной линии, да изредка промелькнет, словно из бездны в бездну упавший метеорит, огонек пристанционного домика, громыхнут стрелки на въезде и выезде никому неведомой станции, и вновь непроглядный мрак и жуть российских просторов...

Водка кончилась, а Вадик сидел трезвый и счастливый, весь в ожидании и предвкушении, сгорая от нетерпения, то и дело бросая взгляд на циферблат часов. Но время сегодня было не его союзником: стрелки словно прилипли к двум цифрам, означающим без пятнадцати минут десять. Они не двигались и даже секундная стрелка, всерьез казалось Вадиду, ползла по циферблату, как подмороженная муха по стеклу. Пару раз он не выдержал и легонько встряхнул рукой – бесполезно.

И как-то долго, очень долго, не приходила Зина с расчетом, хотя Вадик нетерпеливыми жестами уже несколько раз подзывал ее к себе. Но, опять же, все в эти минуты ожидания казалось Вадиду нестерпимо долгим, весь мир словно бы сговорился против него и – никуда не спешил, никого не догонял. Зато подошел, вернее будет сказать, – подковылял, парень-инвалид на костылях. В потрепанном, непонятно какого цвета и кроя пиджачке, из-под которого выглядывал грязноватый воротник клетчатой рубахи, в камуфляжных, пестрых брюках, подвернутых выше колен, на двух белых больничных костылях, вытертых под мышками до серого пластикового цвета, он давно уже маячил в проходе вагона-ресторана, подолгу задерживаясь у столиков. Вадик успел заметить, что инвалиду многие наливали, и он охотно выпивал, пряча фуражку с подающими в глубокий карман. Потом он фуражку доставал, зажимал козырек в левой руке вместе с поперечной ручкой костыля, и переходил к следующему столику.

– Подайте инвалиду спецназа, – сказал он, глядя на Вадика невероятно синими, пронзительными глазами. – Сколько можете...

Глаза инвалида завораживали, от них трудно было оторваться, они, словно глубокая промоина в паковом льду, настойчиво манили к себе, втягивали. И сладко, и жутко было в них смотреть.

– Как же тебя угораздило? – с трудом отрываясь от синих промывов, Вадик опустил взгляд на ноги инвалида, вернее на то, что от них осталось.

– Дагестан... Зачищали одно горное селение, – с привычным равнодушием начал рассказывать парень. – Стоял в оцеплении возле одного богатого дома, по оперативным данным – мирного. Ну, стоял и стоял. Потом через калитку вышел их аксакал, а по-нашему – дедушка.

Весь седой и красивый такой, с бородой и добрыми глазами. Сынок, говорит он мне, помоги, там мою внучку проклятые боевики наручниками к решетке приковали. Я и пошел, привык старикам верить... А кому еще? – парень сощурил синие злые глаза, скрипнул зубами, качнувшись на костылях. – Пошел, а там растяжка, ровно посередине двора... Чтобы, значит, ворота не попортить и крыльцо с входными дверями в дом... Пока со мною возились – боевики через калитку в лес ушли... Старик тот хорошо по-русски говорил, вроде как школьным учителем был. Говорят, очень Лермонтова любил, стихи его наизусть знал... Ну и вот, значит, благословил меня вместе с Лермонтовым в инвалиды... А родное и благодарное отечество, понятно, тоже благословило, вот, костыли бесплатные выдали и пенсию, соответственно, в два прожиточных минимума... А у меня жена, мать с сестренкой и двое детей. Все одной семьей в одной двухкомнатной квартире проживаем, и все – безработные. Наш цементный завод закрыли, на месте трикотажной фабрики азеры рынок открыли. Работы – никакой...

Вадик отдал столик. С сожалением взглянул на пустой графинчик. Инвалид перехватил его взгляд, усмехнулся:

– Будет с меня, а то домой не дохромаю...

И поковылял дальше, высоко откинув голову над узковатым в плечах пиджачком.

Темно за окном. Непроглядно... Темна, загадочна и непроглядна человеческая жизнь в России, и каждого из нас, гордого, самонадеянного, уверенного в себе и своих силах, поджидает в жизни своя растяжка в свой урочный час...

– Вижу, вижу, – вдруг, словно из-под вздрагивающего под ногами вагонного пола, появилась официантка с блокнотиком в руках. Вадик даже вздрогнул от неожиданности. – Вижу, Котик, вижу, как ты торопишься, прямо копытом бьешь, – усмехаясь, сказала Зина. – Успеешь, золотой, какие твои годы... Все ты еще успеешь, если не остановят, – как-то загадочно, непонятно сказала она.

– Кто? – удивился Вадик, невнимательно заглядывая в счет.

– Узнаешь, – многозначительно ответила Зина. – Но позже...

– Узнаю, – весело ответил Вадик, хотя совершенно не понимал, о чем идет речь. – Обязательно узнаю... Вот, возьми и сдачи не надо.

– Щедрый, – забирая деньги, опять усмехнулась женщина, но как-то так, одними губами. – К ней торопишься?

– К ней, – ответил Вадик, торопливо пряча кошелек с деньгами в задний карман джинсов.

– А я? – вдруг спросила Зина, глядя на Вадика странно расширившимися, темными глазами. – Как же я теперь?

– Но я... я... – Вадик растерянно и жалко смотрел на Зину, внезапно вспомнив их недавний, многообещающий, полный скрытых намеков, разговор.

– Забыл, – засмеялась Зина, касаясь Вадика пышными и ненормально горячими губами. – Совсем забыл, котик... Ну, ничего, я не обижаюсь, я никогда на красавчиков не обижаюсь. Я их просто люблю... Пошли?

– К-куда? – тупо таращась на Зину, враз пересохшими губами спросил Вадик.

– Узнаешь, – вновь непонятно ответила она.

И Вадик покорно пошел за Зиной, невольно отмечая, как тяжело и призывно покачиваются ее бедра, как стройны и крепки под короткой фирменной юбкой ее ноги в неожиданно маленьких, элегантных туфельках на среднем каблучке. Через гремящий и нещадно раскачивающийся тамбур они прошли в соседний вагон, миновали два или три купе, прежде чем Зина, громко щелкнув замком, легко откатила дверь на роликах и знаком пригласила его входить. Мало что понимая, растерянный Вадик шагнул через порог, и тут же услышал, как хлопнула за спиной дверь, и прямо в его шею тяжело задышала Зина. Он медленно, словно ожидая какого-то подвоха, развернулся и тут же уперся в ее потрясающую грудь, Руки Вадика как бы сами

собой сомкнулись за спиной женщины и медленно сползли на ягодицы. Дыхание у него тут же сбилось, он засопел, шумно и прерывисто вдыхая воздух сквозь стиснутые зубы, в то время как проворные руки Зины в одно движение сдернули с него рубашку, следом, вжикнув молнией, скатились на пол джинсы и жаркие губы, мягкие и настойчивые, нетерпеливо нашли его пересохший от возбуждения рот...

4

Тепло и уютно в Серегинном Ковчеге, как прозвал свой домишко в бывшем дачном кооперативе бывший интеллигент, Сергей Юрьевич Скворцов. А что – жить можно. Домишко хоть и неказист с вида, скатан из еловых брусьев, зато хорошо проконопачен, а внутри еще и вагонкой из липы обшит.

Но одним домиком жив не будешь. Есть при домике небольшой огород, соток на пять, который Сергей по весне засаживает в основном картофелем. Делает он это, казалось бы, по инерции, безо всякого желания, а картошка, между тем, родится у него на удивление крупная, рассыпчатая, с приятным розовым оттенком. Грядка под многолетний лук, изрядно унавоженный небольшой огуречник да две грядки под морковь и свеклу. Тыква у него посажена вдоль ограды, и плети ее разрастаются, бывает, на десяток метров, одаривая по осени Сергея шести-восьмикилограммовыми ядрами ярко-оранжевого цвета, которые он прозывает чушками. Когда поздней осенью пожелтеет, увянет и спадет, наконец, на землю всякий лист, чушки, летом едва заметные среди травы, вдруг начинают горбатиться вдоль ограды далеко заметными круглыми спинами.

И еще одно неоспоримое богатство есть у Сергея, вернее – сохранилось от прежней, далеко не бедной жизни – ладный, на совесть сработанный, бетонный погреб, представляющий собою как бы небольшую глухую комнату в виде куба два на два метра, с хорошей вытяжкой и деревянным настилом на полу. В этом погребе, вход в который был хитроумно замаскирован в кладовой, заваленной ненужной, полусгнившей утварью, огородные припасы преспокойно хранились почти до середины следующего лета.

В свое время Сергей блестяще окончил факультет журналистики в Московском университете, сотрудничал в нескольких центральных газетах, был известен, как яркий публицист первой половины нулевых годов. Когда грянул над ним гром и разверзлись хляби небесные, смывшие не только престижную работу в краевой газете, но и современную квартиру в шикарном спальном районе, счета в двух банках, приличное авто, Сергей Юрьевич в одночасье вдруг оказался на положении «бичика» безо всякого будущего. Но он не пропал, не сгинул в вокзальной круговерти, не сошел с круга по пьяной лавочке, хотя и было от чего. Даже самые близкие люди не знали (и слава богу!), что сохранилась у него эта дачка, записанная на покойную мать, а в мало кому известном банке, под хорошие проценты на предьявителя, лежала у него хоть и небольшая, но вполне достаточная сумма «на бедность». И вот бедность пришла, и предусмотрительный долларовый «схрон» стал работать на нее...

Осень – любимая пора Сергея... День ото дня спадает изнурительная летняя жара. Прохладнее становятся ночи. Утрами дымная роса, обильная и холодная, клонит травы долу. Тут и там серебристыми паутинками изукрашены кусты шиповника. Ярко рдеют на зарослях боярышника, что неприступной стеной встал вдоль границ огорода, кисло-сладкие мучнистые плоды. Как известно, ветви этого кустарника буквально усыпаны жесткими колючками, так что никому не продрасться с тыла сквозь густые заросли боярки, с каждым годом все плотнее окружающей «поместье» Сергея...

Рыжая сука Найда безмятежно спит на теплых досках крыльца, сладко посапывая и изредка перебирая лохматыми лапами во сне. Снится ей, как ни странно, дивный охотничий

сон. Якобы она, молодая, рослая и сильная, гонит по смешанному лиственничному редколесью зайца, гонит давно и упорно, в азарте захлебываясь лаем. Заяц старый и опытный, он уходит от Найды на крупных махах, делая ложные сбежки и петли, дабы сбить ее со следа. И светит полуденное солнце, и осень вызолотила леса в яркие наряды, и где-то там, у заячьей лежки, прислушиваясь к звонкому лаю Найды, поджидает ее с ружьем в руках хозяин. Найда напрягает все силы, расстояние между нею и зайцем сокращается, уже отчетливо слышен ей запах страха, который исходит от насмерть перепуганного косоного, как вдруг сквозь сон она слышит громкий стук входной двери. Найда моментально просыпается, вскакивает на подрагивающие со сна лапы и преданно смотрит на вышедшего из дома хозяина. Сладко потягиваясь со сна, пристанывая, он вскользь смотрит на собаку и добродушно спрашивает:

– Что, Найдочка, хорошо мы с тобой поспали? – и сам же себе отвечает: – Хорошо поспали, куда с добром.

Найда припадает на передние лапы, тоже потягивается и зевает, широко распахивая розовую пасть с мелкими, частыми зубами.

– Эх ты, соня, – улыбается Сергей и любовно треплет собаку за загривок. – Шла бы лучше рывчика нам на ужин добыла, а то валяешься, блох плодишь...

Найда сидит на теплых половицах и снизу вверх преданно смотрит круглыми золотистыми глазами под светленькими короткими ресничками на хозяина. Помесь сеттера бог знает с кем, была она удивительно сообразительна и добра к человеку. Однако и человека умела распознать за версту, видимо, наученная предыдущим горьким опытом, о котором знала лишь она одна. К доброму человеку шла сразу, решительно, подставляя лобастую голову под ласку. Дурного – сторонилась, хотя делала это деликатно, не обижая. Однако главное и несравненное достоинство Найды было в великой страсти к охоте на пернатую дичь и зайцев. Надо было видеть ее неподдельное горе, когда она окончательно поняла, что Сергей не охотник. Три дня она провалялась в закутке, спроворенном для огородного инвентаря, не притрагиваясь к пище, прикрыв лохматой лапой чуткий нос. Три дня она презрительно игнорировала Сергея, пока не осознала, что и такие люди бывают. В конце концов, этот вопиющий недостаток не помешал же Сергею подобрать ее на просеке в глухом лесу, где она, готовая издохнуть от голода, почти неделю прождала своего прежнего хозяина, и ждала бы дальше, до своего смертного часа. К ней несколько раз подходили чужие люди, звали с собой, она убегала в лес, пряталась, а когда люди уходили, возвращалась точно на то место, где стояла машина ее хозяина. К Сергею подошла сама, ткнулась теплым носом в его колени и так при нем и осталась.

– А мне сон какой-то чудной приснился, – присев на ступеньки крыльца и запустив ладонь под ошейник Найды, где была особенно мягкая, шелковистая шерсть, начал рассказывать Сергей. – Словно бы недалеко от нас какой-то цыганский табор объявился. И так ярко у них костер горит, такие красивые песни они поют, что я не выдержал и пошел к ним. А ты, Найдочка, вдруг вся ошетибилась, я тебя такую никогда не видел, и цап меня за гачину брюк, и не пускаешь. Я ругаюсь на тебя, гачину вырываю, а ты всеми четырьмя лапами уперлась и – ни в какую. Разозлился я, слегка пнул тебя ногою, чтобы свое место знала, а ты не отпускаешь штанину... Глянул я, а табора уже нет, – с сожалением говорит Сергей. – Костер не горит, и никто уже не поет... К чему бы это, а, Найда? – спрашивает он собаку, поглаживая ее за ухом. – А ведь это ты меня от какой-то беды хотела отвести, я так понимаю этот сон, а я тебя ногой, в благодарность, как и всякий человек, – вздыхает Сергей. – Хотя, если честно, никогда в жизни никого не ударил и не собираюсь...

Найда внимательно слушает Сергея, втягивая воздух чуткими ноздрями, да изредка постукивает по половицам крыльца ее смолоду купированный, короткий хвост.

Судьба благоволила Сереже Скворцову, выпускнику факультета журналистики Московского государственного университета. Приехав из глухой сибирской провинции, Сергей безо

всяких протекций и блата легко поступил в престижный вуз. Так же легко учился на излете бурных девяностых годов, дважды попадал на практику в «Комсомольскую правду» и там неплохо зарекомендовал себя. От природы он был наделен быстрым, сообразительным умом, привлекательной внешностью и ценным для журналиста качеством – легко и просто располагал к себе людей. Но, умея разговорить человека, Сергей и сам при определенных обстоятельствах легко мог наболтать лишнего, приоткрыться чуть больше, чем следовало...

Перед защитой диплома его приглашали на работу сразу несколько московских газет, в том числе и набиравшая силу и тираж «Комсомольская правда», у руля которой с недавних пор встали молодые журналисты-дальневосточники. Однако Сергей выбрал родную краевую газету, и на то были у него веские причины.

Пару лет назад, совершенно неожиданно, мать разбил тяжелый паралич. Выписавшись из больницы, на свою любимую работу, в библиотеку, она уже не вернулась, поскольку получила инвалидность и передвигалась по квартире с помощью костылей. Тихие библиотечные бабушки, отдавшие загибающемуся просвещению всю свою жизнь и взамен не получившие от правительства ровным счетом ничего, слава богу, не оставили ее в беде. Это – причина первая. Вторая, не менее существенная, но более безнадежная – одноклассница Лера Осломовская, в которую Сергей был влюблен. Стройная белокурая бестия, пра-пра-правнучка сосланных в сибирскую ссылку гордых польских шляхтичей-бунтарей, унаследовала от своих пра-пра-прабабушек гордый, независимый характер, неземную красоту и мало сознаваемую ею самой страсть к приключениям... Пока влюбленный Сергей учился в университете, Лера успела объехать весь мир, так и не окончив филфак краевого пединститута. Зато она последовательно перебивала манекенщицей, фотомodelью, стриптизершей и бог знает кем еще. Она так умудрилась заполоскать мозги Сереже Скворцову, что и после всех своих перевоплощений оставалась для него самой желанной и неподсудной. А болтали, между тем, о ней в городе много и самое разное...

– Скворец, – сказала она при очередной встрече, через два года после отъезда Сергея на учебу в Москву, – и ты веришь всей этой чуши?! Сережа, ты – самый умный в нашем классе, самый честный и красивый, наконец, как ты можешь даже думать об этом?

– Но в газетах писали, – начал оправдываться Сергей, – что бандиты покровительствуют тебе, что тебя видели в казино с Мармеладом...

– Сережа! – вскинула темные брови Лера. – Я тебя не узнаю... Ты сам будущий журналист, я твои репортажи постоянно в «Комсомолке» читаю, и ты веришь этой газетной брехне?! Да там же все куплены на корню: что им скажут, то они и напишут... Не знаю, как в твоей «Комсомолке», а у нас честный журналист – это нонсенс! Все они продажные, все на кого-то работают...

– Но, Лера, зачем же обобщать? – попытался возразить Сережа. – Как и везде, в любой профессии, журналисты бывают разные...

– Скворец, не спорь со мною! – надула полненькие губки Лера. – Ты там, в своей Москве, ничего не знаешь и не можешь знать о наших газетах... Вы там с жиру беситесь, совсем охренели, честно говоря, а здесь преступников ищете... Главные преступники и ворье за вашими красными стенами сидят, всю страну под себя подмяли, со всех дань берут, как при татаро-монгольском иге, а ты мне про честных журналистов рассказываешь?

До глубины души возмущенный этим бесцеремонным «вы» и «ваши», Сережа нешуточно обиделся на Леру:

– Вообще-то красные стены такие же мои, как и твои, – хмуро ответил он. – А если говорить по существу, – политику я вообще не люблю и в чистом виде ею не занимаюсь. Поэтому не надо мне красные стены приписывать. Они не мои и никогда моими не будут... Там своих хозяев хватает...

– Ну да, вы в своей «Комсомолке» одни светские сплетни печатаете. Кто кого трахнул, кто кого бросил, кто кому дал, – наследница польской шляхты с гордым презрением сощурила бирюзовые глаза, покачивая длинной, стройной ножкой в элегантной черной туфельке. – У вас там, честно говоря, собрались какие-то явно озабоченные мужики... А может, вовсе и не мужики? Уж больно вы любите в чужом белье копаться.

– Знаешь, как это называется? – сумрачно спросил Сережа.

– Как? – насмешливо улыбнулась Лера.

– С больной головы – на здоровую, вот как! Я про тебя спрашиваю, я хочу знать, почему о тебе всякие пакости пишут, а ты мне про кремлевские стены рассказываешь...

– Я не пойму, Скворцов, ты хочешь со мной поссориться?

Сережа этого не хотел.

Еще два года спустя, на преддипломной практике, Сережа Скворцов попал в родной город как специальный корреспондент газеты «Известия». Командировка, как вначале показалось Сереже, была пустяковая, связанная с браконьерством, которым и при советской власти изрядно грешили лесозаготовительные предприятия. Но стоило ему выехать в леспромхоз и поговорить с авторами письма в «Известия», как он понял, что проблему явно недооценил. Заготовка древесины в орехово-промысловой зоне, где испокон века заготавливали орех и брали живицу местные жители, и где каждое «хлебное» дерево десятилетиями кормило конкретную семью, была не только недопустима, но и преступна. Однако же она велась и с каждым годом – все в больших масштабах. И уже начали греметь в кедрках ружейные выстрелы, а в селеньях запыхали усадьбы наиболее беспокойных активистов, требующих запретить рубку кедра.

С головой окунувшись в эту проблему, казалось бы, ясную и понятную любому дураку, Сергей очень скоро понял, что ходит по заколдованному кругу, и чем дальше, тем меньше понимает, где правые, а где виноватые. Но самое поразительное было в том, что виновных в этой ситуации он вообще не нашел. Были доведенные до полного отчаяния люди, были вымирающие от голода и безысходности села, жители которых остались без работы и своего векового промысла, был в Москве, за кремлевскими стенами, президент Путин, гарант Конституции, разговорчивый, энергичный, ироничный, и только виноватых в преступном промысле кедра Сережа Скворцов не увидел.

– Я вот что тебе скажу, Сергей Юрьевич, – сочувственно вздохнул бывший директор бывшего леспромхоза-миллионера, бывший депутат Верховного Совета, Герой Социалистического Труда, ветеран Великой Отечественной войны Степан Иванович Слепенчук, – не по Сеньке шапка! Тебе эту проблему не поднять и, знаешь, почему?

– Почему? – спросил озадаченный Сережа.

– А потому, что корни этой проблемы – в Москве. Здесь, у нас, только вершки...

– Да почему в Москве?! – осерчал Сережа. – Почему всегда и всё валят на бедную Москву? А я вот слышал, что у вас здесь всеми лесными делами управляет некая Боярыня... Но вы мне о ней почему-то не говорите?

Степан Иванович приподнял правую кустистую бровь, внимательно всмотрелся в Скворцова и с усмешкой сказал:

– Ну, вот видишь, кое— что ты все-таки узнал... А на Москву валят, Сережа, потому, что там законы пишут. И такие хитрые там у вас законы пишут, что по ним все леса, реки, фабрики и заводы, золото, нефть и газ, платина и алмазы, наши леспромхозы, рыболовецкие артели и прочая, прочая давно уже москвичам принадлежат. Они сидят там, сволочи отмороженные, прости господи, в Барвихе или в Сочи, в кабаке или казино, а по всей Руси нефть качают, последнюю рыбу долавливают, последний лес на нет сводят, спирт гонят и пшеничку растят, чтобы доходы со всего этого у московских ушкуйников оказались. У них глаза уже, как щелки

в копилке, они жиром заплыли, от них уже на всю страну смердит, а они все хапают и хапают... И плевать они хотели на пухнувших от голода людей, на пачками вымирающих ветеранов... А что касается Боярыни, она лишь передаточное звено: через нее деньги в Москву перетекают, только и всего. Но здесь, у нас, она очень большой человек, поскольку через криминал все к своим рукам прибрала.

– Ну, и как мне с нею связаться? – живо поинтересовался Сергей.

– А зачем? – Степан Иванович с любопытством посмотрел на него. – С мельницами пободаться хочешь?

– Хочу! А главное – хочу понять, что же это за люди, откуда они у нас взялись и почему не видят, что они творят...

– Молод ты еще, Сережа, ой, молод! – усмехнулся Слепенчук. – Смотри, не попасть бы тебе в большую беду. Ныне хоть и другие времена, а беспредел прежний творится... Ну, а телефончик запиши, телефончик я тебе дам. К ней-то тебя вряд ли допустят, а вот с ее холоуями, может, и поговоришь...

Глава третья

1

Тамара с Дашкой вернулись из города только под вечер. Оказывается, заезжали на квартиру, половину покупок там оставили, половину с собой привезли. Но и этой половины было столько, что шофер Володя едва в охапке на второй этаж принес. Какие-то коробки, коробочки, фирменные пластиковые пакеты, спортивная Томкина сумка – все это было свалено в общую кучу на диване.

– Чего это вы столько понабрали? – искренне удивился Толик, с недоумением разглядывая многочисленные покупки. – Можно подумать, что вы до сих пор голые ходили... Или вам все это бесплатно дали и грех было отказаться?

– Папа, ты ничего не понимаешь, – первой ответила Даша, смешно морща прямой короткий носик и деловито перекладывая коробки. – Наступили осенние распродажи. Сейчас не купишь, потом вообще не найдешь... Знаешь, сколько мы магазинов объехали, – Дашка растопырила пальцы на правой руке и, немного подумав, прибавила к ним еще два пальца на левой. – Вот!

Дочурка явно говорила все это с материнских слов, но тем забавнее звучали в ее изложении взрослые проблемы. Сама она, в хорошо сидящих на ней фирменных джинсах и красной в крупную полоску кофточке, в китайских кроссовках, но – аля Adidas, ладненькая, крепко сбитая, с белокурыми локонами на плечах, была ну просто прелесть. Толик не выдержал, подхватил ее на руки, прижал тепленькое, родное тельце к себе, с удовольствием зарываясь носом в пахнущие лесной свежестью волосы. Дашка на минуту притихла, отдаваясь отцовской ласке, но вдруг спохватилась, уперлась в его грудь ручонками и капризно возмутилась:

– Папа, ну что же это такое, в самом деле? Что за нежности?

– А что, разве уже нельзя? – засмеялся Толик Ромашов, не выпуская дочь из объятий.

– Я тебе что, маленькая?

– А что, большая?

– Пусти! – Дашка рассердилась. – Отпусти меня сейчас же...

Пришлось Толику отпустить на пол маленькое, взъерошенное существо, до безумия родное и близкое.

– Папа, а мы тебе хорошие-прехорошие туфли купили, – выдергивая из общей кучи белую продолговатую коробку, радостно сообщила Даша. – Если не подойдут – можно будет обменять. Нам так в магазине сказали...

– Ну, спасибо! Ну, молодцы! – принимая коробку, расчувствовался Толик. – Как же это вы догадались мне туфли купить?

– Ты у нас вечно в старой обуви ходишь, – серьезно упрекнула отца Даша. – Совсем за собой не следишь. Вот мы и купили...

– Даша! – закричала из ванной комнаты Тамара. – Доченька, принеси мне из нашей спальни полотенце...

Даша побежала за полотенцем, а Толик, прихватив необычайно легкую коробку с обувью, пошел к себе в кабинет на второй этаж.

Уютно расположившись в любимом кресле и включив на компьютере скайп, Толик Ромашов взялся за ножницы, намереваясь разрезать упаковку с обувью. Но в это время резко зазвонил телефон внутренней связи.

– Слушаю, – с легкой досадой ответил Ромашов, намеревавшийся с толком и расстановкой насладиться подарком своих любимых женщин.

– Извините, Анатолий Викторович, к вам Мартынов подъехал, – степенно сообщил Петр Борисович. – Пропускать?

– А то! – искренне обрадовался Толик. – Конечно, пропускать! И пусть он сразу ко мне в кабинет поднимается.

– Понял, будет сделано! – энергично отрапортовал охранник.

Выглянув в высокое, стрельчатое окно полукруглого эркера, забранное узорной решеткой и больше напоминавшее средневековую бойницу, Толик увидел въезжающий в ворота роскошный джип «Лексус» своего давнего друга, и сердце у него радостно забилось в предчувствии небольшой выпивки по поводу и душевного разговора. Сдвинув журнальный столик поближе к кожаному дивану, он распахнул створки вместительного бара и, слегка поколебавшись, извлек из него французский коньяк «Хеннеси», два бокала, коробку конфет и мелкие лимоны.

– Какие люди! – радостно вскричал Толик, увидев степенно входящего в кабинет друга. – И без охраны...

– Охрана, будь она неладна, в машине в карты режется, – проворчал Мартын, обнимая и крепко тиская Ромашова. – Тоже ведь, если взять по всей России, сколько этих бездельников развелось! Целая армия здоровенных мужиков годами мается от безделья, а ведь могли бы таких дел наворочать...

Мартын, с которым Толик лет десять назад начинал риэлторский бизнес, удачливый и расчетливый мужик, умевший легко выходить из, казалось бы, самых безнадежных ситуаций, остался у Ромашова единственным школьным товарищем, с которым он сидел за одной партой. Крупный, белобрысый, с большой лысоватой головой, сидевшей, казалось, прямо на плечах, с маленькими, подозрительными глазками, в бизнесе он обладал железной хваткой, и уж кому-кому, а Мартыну без охраны было никак нельзя. Слишком много обиженных в лихие девяностые осталось за бортом торпедного катера, на котором Геннадий Иванович Мартынов стремительно ворвался в риэлторский бизнес, несказанно расцветший в разгар жилищного строительства середины нулевых, когда банкиры с кредитами буквально бегали за снисходительно ухмыляющимся Мартыном. И не только сам ворвался, но и Толика на водных лыжах на буксире за собою втащил. И поэтому Мартын для Толика, как священная корова для индуса.

– Ну, привет, отпускник! – басовито говорит Мартын, с удовольствием усаживаясь в просторное кресло с деревянными подлокотниками. После отдыха в Таиланде они еще не виде-

лись, и поэтому оба были искренне рады встрече. – Вижу, классно загорел ты там, в тропиках, подкопился на солнышке так, что как бронзовый Будда стал. Ну и молодец, что отдыхать умеешь!

– А тебе кто не дает? – разливая коньяк в бокалы, спросил Толик. – У тебя же все крутится-вертится... Директоров и замов – хватает... Какие вопросы?

– Да никаких, – легко засмеялся Мартын, забирая свой бокал с коньяком, почти полностью утонувший в его большой лапе. – Никаких проблем, дорогой Анатолий Викторович, пока не наблюдается, кроме одной...

– Ну и что это за проблема? – недоверчиво глянул на него Ромашов.

– Деньги некуда девать! – Мартын одним махом выдул коньяк, задержал дыхание, выдохнул, взял из коробки продолговатую конфету. Смачно, вкусно, аппетитно разжевал, проглотил и вдруг пронзительно и коротко взглянул на Толика холодными серыми глазами. – Хочу с тобой поделиться...

– Не понял? – в самом деле, ничего не понял Толик.

– Наливай, – по-хозяйски распорядился Мартын, – сейчас поймешь...

Выпили по второй, закусили, сладко передыхая несравненное тепло и аромат хорошего французского коньяка. В это время вошла Тамара, свежая, опрятная после ванной, в стройнившем ее шелковом японском халате-кимоно. Расцеловавшись с поднявшимся ей навстречу из кресла Мартыном, она встала за спиной счастливо улыбающегося Толика, заботливо спросила:

– Мальчики, вы кушать вообще-то собираетесь?

– А это смотря чем ты нас будешь потчевать? – заметно оживился Мартын, переводя добродушный взгляд с Толика на Тамару.

– Сегодня у нас мясо по-тайски с соусом и кольраби на гарнир, – гордо ответила Тамара. – Ну и твои любимые щупальца кальмара во фритюре. Надеюсь, вас это устроит? Или что-то еще в ресторане заказать?

– Томка! – завозился в кресле довольный Мартын. – Какой там ресторан! Да и вообще, если бы Толян не опередил меня – я бы сам на тебе женился, честное слово!

– У тебя Ленка – ничуть не хуже, – засмеялась Тамара и, чмокнув мужа в щеку, направилась к выходу.

– Это верно, – не стал возражать довольно засопевший Мартын. – Ленка у меня – первый класс!

Тамара вышла, и Ромашов вопросительно уставился на Мартына. Довольно посапывая в предвкушении хорошего ужина, Мартын глазами показал на бутылку. Толик поспешно разлил по бокалам коньяк.

– У меня для тебя две новости, – разглядывая содержимое бокала на свет, с легкой усмешкой сказал Мартын. – Одна хорошая и вторая, – он выдержал довольно продолжительную паузу, – ну, очень хорошая... С какой начнем?

– Ну и темнело же ты, Мартын, – облегченно перевел дух Толик. – Без своих заморочек никак не можешь?

– А то, – довольно крякнул, снисходительно улыбающийся Мартын. – Так с какой?

– Давай, наверное, с хорошей...

– Как скажешь... В общем, так: «Кредитбанк» в ближайшее время будут банкротить... Цена вопроса, – Мартын опять сделал длинную, выжидательную паузу, – пятьдесят миллионов деревянными... Конкурсный управляющий – наш человек. Я с ним несколько лет назад «Сибнефтепродукт» банкротил. Проверенный и очень толковый товарищ, так что сюрпризов не будет... Улавливаешь?

– Не совсем, – Толик нахмурился. – Вернее, пока вообще ничего не понял...

– Тебе его надо брать! – решительно заявил Мартын.

– Мне?! – опешил Толик. – Пятьдесят миллионов? Да у меня таких денег отродясь не бывало... Ты что, Мартын, в натуре, гонишь...

– Подожди! – Мартын властно поднял руку. – Не заморачивайся раньше времени... Я бы и сам его взял – не вопрос, да у меня, как ты знаешь, банк уже есть... Ну и в Сочинскую Олимпиаду я в свое время основательно вложил... Там у меня навар и хлопот – выше крыши, не до новых банков пока. А вот тебе развиваться пора, хватит по мелочевке мельтешить... Все эти твои турбюро, брокерские конторы и спортивный инвентарь – вчерашний день... Пусть этими делами бакланы занимаются.

– А деньги? – безнадежно спросил Толик. – Я если половину этой суммы по сусекам наскребу – хорошо...

– Не вопрос! – отмахнулся Мартын. – Деньгами я тебе помогу. И даже без процентов: в память, так сказать, общей школьной парты, – он весело засмеялся. – Ну, так как?

– А Костя Балашов? – неожиданно вспомнил Толик.

Мартын завозился в кресле, засопел, с явным неудовольствием покосившись на своего давнего товарища.

Костя Балашов вместе с ними в школе не учился, но риэлторский бизнес в конце девяностых годов они на равных поднимали. Бегали по квартирам в разных концах города, обивали пороги в очередях у нотариусов, давали многочисленные объявления в бесплатные газетенки и расклеивали их на столбах возле автобусных остановок. И страшной клятвой поклялись, что клиентов друг у друга перебивать не будут, хаять конторы конкурентов – тоже, и Костя ни разу слова своего не нарушил. Чуть-чуть оперившись, он начал заниматься биржевыми бумагами и неожиданно преуспел в этом деле. Когда в городе появился «Кредитбанк», друзья и подумать не могли, что он принадлежит Косте Балашову. Бизнес гласности не любит, это понятно, и все же они слегка обиделись на своего близкого по бизнесу друга, без лишних разговоров поднявшего такое серьезное дело, в то время как они лишь начали обзаводиться личными офисами. А Балашов, между прочим, оставался прежним Костей, и дважды, без лишних разговоров, серьезно выручил Толика, подбросив ему беспроцентные кредиты. Мартын обошелся без его помощи, но твердо и всегда знал: случись что – Костя Балашов в беде не оставит...

А потом по городу прошел неожиданный слух, что Костя Балашов основательно присел на бутылку и не только... И хотя половина начинающих предпринимателей валят свой бизнес именно по причине бухла, к Костику это никак не могло относиться. Так думали они с Мартыном. В самом деле, ломались ребята потому, что у них появлялись свободные деньги, а следом – друзья, подруги, угодливые помощники, и – пошло-поехало. Но Костя давно и прочно встал на ноги, был женат на Маринке, умной, пробивной бабенке, хорошо знавшей, где деньги лежат... Да и к выпивке Балашов смолоду был равнодушен. Это они, Толик с Мартыном, под настроение могли основательно накачаться, погусарить, в дорогом ресторане перед официантами понты развести. Правда, по негласному уговору до обеда никогда не похмелялись и больше двух дней не гуляли. Костя мог запросто вместе с ними завалиться в ресторан, мог выпить наравне бутылку водки или коньяка, а потом как-то незаметно, но неизбежно исчезал. Вначале они обижались, потом привыкли, а еще какое-то время спустя бизнес развел их по разным компаниям и ресторанам...

В общем, в какой-то день Мартын позвал Толика к себе в офис. Они давненько не виделись, хотя и созванивались постоянно. На рестораны теперь у них времени не хватало, да и оба уже были женаты, остепенелись и семейный уют ценили куда больше ресторанного шика. Поэтому, сдвинув папки с деловыми бумагами на один угол стола, на другом Мартын организовал небольшую выпивку с хорошим закусоном.

Выпили. Обменялись ничего не значащими новостями, типа – тебя на прием в Корейское консульство приглашали? А я ходил. Хрень, конечно, и водка такая же, но деловых людей было

много. Хочешь, я и тебе приглашение организую? А оно мне надо? Надо-надо, там деловые связи налаживаются... И все в таком же вот духе. Потом Мартын напрямую спросил:

– Ты о Косте Балашове в последнее время что-нибудь слышал?

– Слышал, конечно, – тяжело вздохнул Толик.

– И что ты думаешь по этому поводу?

– А хрен его знает, что я думаю по этому поводу, – искренне ответил Толик. – Верить в это не хочется... Но ведь слухи откуда-то берутся...

– Вот-вот, – кивнул массивной головой Мартын. – И у меня такая же ситуевина.

– Может, позвонить ему? – оживился Толик. – Вот прямо сейчас взять и позвонить?

– И он тебе по телефону, со счастливой улыбкой, которую ты, правда, не увидишь, все как на духу изложит, да? – Мартын недовольно засопел.

– А что ты предлагаешь? – разозлился Толик. – Может, детектива нанять?

– Короче, кончаем этот пантовый базар, – нахмурился Мартын. – Давай еще по одной, а потом я тебе скажу, что надо делать.

Выпили, закусили. Мартын то и дело дергался к телефону, решал какие— то свои текущие дела. Наконец он сказал:

– Я думаю так, что тебе, Анатолий Викторович, надо будет выкроить минуту, съездить к нему в офис и на месте все досконально узнать...

– Почему именно мне? – удивился Толик, внимательно приглядываясь к своему старому другу, безмятежно развалившемуся в кресле.

– Вы с ним всегда как-то ближе были, – усмехнулся Мартын. – А главное, никогда не соперничали. У нас же с первого дня шло, знаешь ли, негласное соревнование, и оно, я тебе честно скажу, продолжается до сих пор. Мне он ничего не скажет...

Конечно же, Толик Ромашов поехал в банк, и с Балашовым они встретились так, как братья родные не встречаются. И разговор у них очень интересный и откровенный получился. Костя сильно изменился, а кто не изменился за эти годы? Вон у Мартына роговые очки появились, у Толика – явный намек на животик – жизнь не стоит на месте. Но при всем этом у Кости был такой вид, словно бы он прожил долгую жизнь, устал от нее, но и помудрел... Две вертикальные складки над переносицей, легкая седина на висках, дорогие очки в тонкой золотой оправе, классный костюм-тройка с тонкой белоснежной рубашкой и модный галстук в косую полоску... Нет, ни при каких обстоятельствах записать Костю Балашова в алкаши не получалось – это Толик понял сразу. По крайней мере, по первому впечатлению. И все же, все же, все же... Что-то было не так, что-то в его теперешней манере говорить – быстро, напористо, двигаться – с излишней энергичностью – настораживало, привлекало внимание. И еще глаза, которые не менялись, когда Костя широко улыбался, спрашивал об общих знакомых, шутил... Глаза Балашова оставались холодными, внимательными, всегда настороже...

Выпили по паре чашек хорошего кофе. Поболтали о том о сем. Вспомнили старые добрые времена. А потом наступила минута, когда Толик почувствовал, что пришла пора объяснять цель своего визита. Но у него, хоть убей, не получалось напрямую сказать Косте об этом. Как-то не вязались глупые слухи с внешним видом уважаемого, по всему было понятно – успешного директора «Кредитбанка», Константина Владимировича Балашова. Зато спросил Костя:

– Толик, у тебя какие-то проблемы? Требуется помощь? Говори, не стесняйся, мы же с тобой старые друзья...

По интонации, по выражению лица Толик понял, что Балашов спрашивает его серьезно, без малейшего намека на дежурность этого вопроса и, случись такая необходимость, в самом деле поможет – здесь и сейчас.

– Послушай, Костя, – решился Толик, – у тебя действительно все так хорошо, как ты это хочешь мне показать?

– Не понял? – казалось, Костик не удивился вопросу, но легкий холодок вдруг промелькнул в его глазах. – Ты это о чем сейчас?

– Я не буду темнить, ходить вокруг да около, – сам на себя разозлился Толик. – С некоторых пор по городу циркулируют упорные слухи, что ты увлекаешься выпивкой и даже не брезгуешь наркотой... – и поспешно добавил, почувствовав напряженность минуты: – Как говорится, за что купил, за то и продаю...

– Хорошо, что ты меня об этом спросил, – спокойно ответил Костя, и Толик как-то вдруг подумал, что он совсем не случайно занимает в «Кредитбанке» директорское кресло. – Я знаю об этом. – Костя пару раз стукнул карандашом по столу. – Слухи распускают, как бы это точнее сказать... Конкуренты – слишком примитивно звучит, криминал – ты не поверишь, поскольку мы вместе те времена в девяностых прошли... Короче, есть очень серьезные люди, которым выгодны эти слухи обо мне. – Костя сделал длинную паузу и посмотрел на большие напольные часы. – В данный момент я не могу тебе их назвать, да и доказательств у меня пока никаких нет... Но это, повторяю, очень серьезные люди, – Костя слегка подчеркнул интонацией слово «очень». – Они не любят шутить и ничего никогда зря не делают... Вот и все, что я могу тебе по этому поводу сегодня сказать, тебе и... – Костя вновь выдержал длинную паузу, – Мартыну... Если вдруг, когда-нибудь, – Костя усмехнулся, – станет совсем горячо – я тебе об этом обязательно сообщу... – Он опять взглянул на часы, сделал легкое движение левой рукой, и сразу три телефона затрещивали на его рабочем столе. Балашов включил громкую связь и спокойно, отдельно сказал:

– Министра по социалке я приму через пять минут. Совещание перенесите на завтра. О времени сообщу дополнительно... Все!

Балашов повернулся к Толику, и стало понятно, что пора уходить.

Как было принято между ними в прежние времена, на прощание обнялись, слегка похлопали друг друга по плечу, и Толик проследовал через обширную приемную, которую покидали человек десять плешивых, очкастых, с мощными загривками и папочками под мышкой участников так и не состоявшегося совещания...

Прошло чуть меньше года. Костя Балашов так и не позвонил.

– Костя Балашов сидит на игле, – мрачно сообщил Мартын, глядя в угол кабинета. – На контакт не идет. Маринку отправил куда-то за границу...

– Ты уверен, что на игле? – не мог поверить в такую невероятную новость слегка ошарашенный Толик.

– Более чем... Этим делом специально занимались мои ребята. Я просто не хотел тебе раньше времени об этом говорить... Так что плод, Анатолий Викторович, вполне созрел, и его надо срывать... Пока не сгнил...

– Но как же Костя? – растерянно спросил Толик и завозился – заерзал на своем диване, словно собирался тотчас сорваться на выручку Балашову.

– Он обещал тебе позвонить? Обещал... – Мартын сосредоточенно рассматривал пустой бокал на столе, слегка нахмутив белесоватые брови. – Но так и не позвонил, правильно?

– Обещал, когда станет совсем горячо, – напомнил Толик, чувствуя невольное напряжение этого затянувшегося разговора.

– Значит, он уже не понимает, не в состоянии понять, когда холодно, а когда горячо... Так бывает. Особенно – на игле...

– И все-таки... – Толик хотел хоть какой-то определенности. – Я не могу просто так в это поверить, понимаешь? Я слишком хорошо его знаю, как, впрочем, и ты...

– Мальчики! – громко позвала из столовой Тамара. – Кушать подано... Мы с Дашей вас уже заждались. Заканчивайте там со своими разговорами...

– Мой тебе совет, – тяжело поднимаясь из кресла, сказал Мартын, – бери банк и не комплексуй... В случае чего у тебя есть реальный шанс подставить плечо Балашову. Возьмут банк другие – он пойдет по этапу... Понял?

– Понял, – все еще сомневаясь, неуверенно ответил Толик.

– Вот и хорошо... А теперь пошли ужинать – твоя Томка не виновата, что ты у нее такой, извини, туго соображающий и нерешительный...

– Может быть, все-таки как-то встретиться с Балашовым? – сами того не замечая, они вдруг стали называть его по фамилии.

– Если ты его найдешь – встречайся... Но зачем? – Мартын выразительно пожал плечами.

Вопрос остался без ответа, поскольку они уже вошли в столовую, залитую ярким светом дорогой люстры из чешского хрусталя. Ровно, без дыма, горели в камине сухие ясеневые дрова, звучала тихая инструментальная музыка. Тамара с Дашкой, уже сидевшие за обеденным столом, щедро уставленным разнообразными закусками и красивыми бутылками с экзотическими этикетками, выжидающе смотрели на входящих мужчин.

Поздним вечером, проводив Мартына до машины с дремлющей в ней охраной, Толик тяжело поднимался по лестнице. Было слышно, как переговариваются Тамара с Дашкой, заряжая посудомоечную машину после царского ужина. Толик слегка поколебался и прошел мимо, к себе в кабинет. И хотя его слегка штормило после выпитого, а может быть, и съеденного, он все-таки налил себе еще коньяка. Стоя у журнального столика, он ни с того ни с сего вдруг пробормотал: «Ну, Господи, благослови!» – и опрокинул содержимое бокала в себя. И только теперь, опуская бокал на столик, внезапно вспомнил: «А как же новость, «очень хорошая»? Совсем мозги набекрень съехали, если они с Мартыном об этом даже не вспомнили».

Толик сел за письменный стол, снял трубку и нажал кнопку автоматического набора мобильного Мартына. Тот долго не отвечал, видимо, успел задремать под шумок работающего двигателя. Наконец недовольно прорычал:

– Слушаю тебя, мудило...

Толик усмехнулся, легко представив недовольную физиономию закадычного друга и насмешливо ответил:

– Ты сам мудила, Мартын, так как про «очень хорошую» новость забыл мне сказать...

– А завтра не мог позвонить? – уже более миролюбиво проворчал Мартын. – Невтерпеж, да? Ну, да ладно, что с тебя взять... В общем, на второе ноября, а это будет пятница, готовь снаряжение – выезд, как всегда, в шесть утра...

– Класс! – восхитился Толик, и в самом деле почувствовавший прилив радости. – Это что, чуть больше двух недель остается? – он взглянул на большой настенный календарь над письменным столом.

– Именно, – ответил довольный реакцией друга на «очень хорошую» новость, рассолодевший в машине Мартын. – Еще вопросы есть?

– Есть, – поколебавшись, ответил Ромашов.

– Ну?

– Банк я беру! – решительно сказал Толик. – Была не была – где наша не пропадала...

– Ну и молодец! – Мартын был явно доволен решением Ромашова. – Бог не выдаст – свинья не съест... Пока!

Мартын отключился, а Ромашов, слегка напуганный своей решительностью, вскочил из-за стола и несколько раз пробежался по кабинету. И вот когда Толик в очередной раз подходил к письменному столу, он вдруг заметил на нем оставленную коробку с обувью, которую передала ему Даша.

– Ну-ну, – довольно потирая руки, широко заулыбался Толик, – посмотрим, что за обувь они мне там выбрали...

Ромашов вновь сел за стол, придвинул коробку и взял ножницы из стоящего на столе канцелярского набора. Какое-то время посидел в нерешительности, и раз, и другой услышав, как ухнуло куда-то вниз живота его учащенно забившееся сердце. Удивился, списав этот сбой своего мотора на перебор с коньяком. Легко перехватив острыми ножницами капроновую упаковку, он снял крышку и удивленно заглянул в полупустую коробку, на дне которой лежал плоский, продолговатый предмет, завернутый в плотную бумагу. Ничего не понимая, Толик развернул сверток и увидел знакомую рукоять кинжала, вложенного в деревянные ножны с металлическими заклепками.

2

Это было давным-давно – несколько сотен лет назад, а потому и похоже на сказку. Но это была не сказка, а самая настоящая жизнь. Просто жили тогда другие люди, по другим законам и совсем у другого океана... Но луна, солнце и звезды над головою были и тогда те же самые. И шторма приходили, и в свой урочный час умирали точно так же, как приходили и умирали люди, населявшие скалистое побережье, с удивительно уютными, чистыми пляжами между черных скал. В те времена люди любили селиться вдоль таких пляжей, потому что море щедро выбрасывало на берег крупных моллюсков, рыбу и длинные, ярко-зеленые, плоские и широкие листья ламинарий. Все это годилось в пищу, давая силы и волю продолжать свою жизнь...

Однажды, никто уже не помнит когда, вблизи моря на берег упал метеорит. Вначале он низко летел над горизонтом, оставляя за собою ослепительный свет и словно бы подыскивая место, где ему следовало упасть. А когда нашел и упал, покачнув ближайšie скалы и погнав в море огромную встречную волну, невиданно яркая вспышка непонятного света сделала ночь похожей на день. На несколько десятков километров люди и звери, видевшие этот свет, погибли, и большие черные птицы с кривыми клювами надолго поселились в этих местах. Перепуганные люди Побережья прокляли это место и под страхом смерти запретили туда кому бы то ни было заходить. Никогда и никто не решался нарушить этот запрет, поскольку зловещая тень смерти стояла за ним не только по решению людей, но, казалось, сама эта местность несла непонятную угрозу любому живому существу.

Шли годы и уходили десятилетиями и столетиями, и ничто не менялось на Побережье. Как и прежде, вооруженные копьями люди уплывали на промысел далеко в море и не всегда возвращались, застигнутые жестокими штормами, которые тоже охотились на них. Как всегда, женщины оставались у родного очага, чтобы выделывать шкуры убитых животных и готовить пищу для своих мужчин и детей. Так было всегда, так и осталось. И только время, этот вечный двигатель Космоса, методично и неумолимо свершало свою работу, перемалывая скалы в песок, засыпая города пеплом и погружая острова в морские пучины. Но и оно не могло снять проклятья людей с Долины Огня...

Человек Побережья, которого звали Гандриг, с юных лет прославился своим кузнечным мастерством. Казалось, он умел делать из металла все: украшения для женщин, наконечники для копий и стрел, пряжки для ремней, посуду, игрушки для детей и просто красивые фигурки, которыми люди украшали свои жилища. Но больше всего прославился Гандриг своим мастерством при изготовлении кинжалов. В этом ему не было равных на всем Побережье. Кинжалы для охоты и рыбалки, ножи для выделки шкур и работы с деревом, кухонные и декоративные, украшавшие жилища воинов, детские и женские – все было ему по силам. И ни один кинжал, ни один нож не походил на предыдущий. Казалось, фантазии Гандрига в этом деле не было предела. Даже игрушечные ножи для детей отличались друг от друга так же, как ночь отличается от ясного дня.

Но главной страстью Великого Эмпу¹ были кинжалы с характерной, волнообразной формой клинка и ассиметричными пятнами на нем. Не было равных этим удивительным клинкам не только на Побережье, но и на всем Острове. Знатные и богатые люди готовы были отдать целые состояния за кинжал Крис², сработанный Гандригом, но он брал вознаграждение только за свою работу, которая длилась иногда годами, как мог бы взять плату землекоп за то время, что потратил на рытье выгребной ямы. И брался за изготовление клинка Гандриг только для тех людей, которых он выделял из общего числа заказчиков по каким-то лишь ему известным признакам. Это мог быть наследный принц и никому не известный пастух, бродячий монах-буддист и украшенный шрамами воин. И никогда своих принципов Великий Эмпу не нарушал. Они были так же неизменны, как приливы и отливы в Океане, как восход и заход солнца, как запрет на посещение Долины Огня. Все знали об этом, ибо молва о Великом Мастере шла вслед за удивительными кинжалами, разлетевшимися со временем не только по всему Острову, но и по всему Свету.

В любом ремесле, которое изобрело человечество за всю свою историю, истинный Мастер может быть только один. Никогда и никто не может знать и не знает, когда и где появится Мастер – единственный и неповторимый. Как един и неповторим сам Господь Бог, величайший Мастер изо всех Мастеров. Все остальные, до и после, только подмастерья, только просто мастера, неустанно месившие глину для единственного и неповторимого – Создателя Мастерства. Только он, Творец и Создатель, может освятить своим гением все, что до него оставалось лишь слабым отражением божественного промысла...

Гандриг, с девятилетнего возраста вставший рядом с отцом у кузнечного горна, казалось, знал все секреты кузнечного ремесла, счастливо соединив в себе безошибочный вкус художника, упорство и силу каменотеса, интуицию гончара. Но главным, наверное, оставалось то, что его руки как бы сами по себе чувствовали и понимали металл, как чувствуют и понимают крохотное тельце новорожденного руки матери. Казалось, он знал о металле все. Но знать – это только полдела. Все люди знают, как растут яблони, но далеко не все из них становятся садоводами. Гандриг любил железо и чувствовал себя рядом с ним как бы его продолжением. Если сплав железа перегревался в огне, он чувствовал это так, словно у него самого начинался жар, если он неправильно ударял молотом по заготовке – боль металла отражалась в нем самом.

Все это было в нем так же реально и неизбежно, как неизбежно назначение клинка, определенное раз и навсегда с незапамятных времен единым словом – нгерис³.

Однажды в кузницу Гандрига пришел по виду вроде бы самый обыкновенный человек. Единственное, что могло насторожить внимательного наблюдателя, это явное стремление гостя не показывать свое лицо. Великий Эмпу, занятый делом, почти не обратил на него внимания – немало праздных людей приходило в кузню, чтобы полюбоваться на вдохновенную работу непревзойденного Мастера. Видимо, не был исключением и этот человек, так долго и внимательно наблюдавший за проворными руками Гандрига, что тот попросту забыл о нем. Укрытый темным длинным плащом с капюшоном, свободно спадавшим с его плеч ниже колен, пришлый человек, казалось, превратился в гранитную статую, так что лишь отблески жаркого пламени в горне отражались в его больших темных глазах. Но вот он шевельнулся, капюшон плаща слегка сдвинулся вбок, и стало видно, что это очень красивый и совсем еще молодой человек.

– Гандриг, – сказал он холодным и властным голосом. – Я пришел к тебе за кинжалом...

– Юноша, не знаю, как тебя зовут, но ты ошибся адресом, – не отрываясь от работы, вежливо ответил Великий Эмпу.

¹ Эмпу – кузнец (здесь и далее перевод с древнеяванского)

² Крис – национальный кинжал с ассиметричной формой клинка

³ Нгерис – колоть, пронзать

– Как тебя понимать? – удивился пришелец.

– Я не продаю кинжалы, я их делаю...

– Хорошо, сделай для меня кинжал, Великий Эмпу... Я хорошо тебе заплачу...

Гандриг долго не отвечал, раздувая огонь в горне и следя за тем, чтобы заготовка не перекалилась в пламени.

– Мне многие обещают хорошо заплатить, – наконец, ответил Гандриг. – Но я богат от рождения, богат своими руками и своей головой, и больше мне ничего не надо.

– Но мне нужен Крис! – почти вскричал молодой человек. – Очень нужен...

– Я знаю... Иначе бы ты не пришел сюда. Но у меня слишком много заказов, – Гандриг опустил раскаленную до белого цвета заготовку на наковальню и легонько ударил по ней тяжелым молотом. Железо охнуло и послушно вмялось в месте удара. Красные искры, словно большие шмели, разлетелись в разные стороны. – Даже если я буду работать день и ночь до конца своей жизни – мне все равно не справиться со всеми заказами.

Молодой человек слегка отступил в сторону, видимо побоялся, что летящие во все стороны искры от заготовки могут прожечь его плащ. Как завороченный наблюдал он за работой Мастера, и Гандриг опять забыл о нем. Но когда он вернул остывшую заготовку в горн, незнакомый юноша напомнил о себе:

– Меня зовут Маджа, – гордо сказал он. – Я из древнего рода Сингасари, и мне нужен кинжал Крис, который можешь сделать только ты.

– Но почему? – удивился Гандриг. – Почему именно я? На Побережье много хороших эмпу, они делают очень хорошие клинки, которые могут украсить коллекцию даже такого знатного рода, как Сингасари.

– Нет! – решительно отказался от этого предложения Маджа. – Только ты, Гандриг, можешь сделать такой кинжал, какой я хочу... И ты его сделаешь для меня, когда увидишь, что я тебе принес...

Что-то в голосе молодого человека насторожило Гандрига. Он опустил молот на теплую наковальню, вытер локтем обильно проступивший на лбу пот и вопросительно посмотрел на настойчивого гостя.

– Так что же ты мне принес, Маджа? – тихо спросил он.

– Вот, – молодой человек сделал шаг, приближаясь к Великому Эмпу, и не без усилия извлек из-под плаща продолговатый предмет, похожий на обломок скалы. – Я думаю, что такого ты еще не видел...

Гандриг протянул руку, чтобы взять незнакомый предмет, который Маджа держал двумя руками.

– Он тяжелый, – предупредил Маджа.

– Посмотрим, – Гандриг принял предмет и чуть было не уронил его на пол, настолько и в самом деле он оказался тяжел. Блики огня, к которому поднес Эмпу странный предмет, упали на него ровным светом, и Гандриг понял, что держит в руках железо, которое раньше никогда не встречал... Серый, холодный цвет металла, его непонятная тяжесть, неожиданно вызвали в Гандриге смутное чувство тревоги, которое подсказывало ему, что надо немедленно вернуть этот странный брусок его не менее странному хозяину и заняться своим привычным делом. Но Гандриг был действительно Великий Эмпу, и он никогда бы не простил себе, что отказался покорить неизвестный ему кусок железа. И хотя руками, сердцем и чем-то еще, что и делало его Великим Мастером, он понимал, что борьба с этим тяжелым бруском металла будет, может быть, самой тяжелой и опасной в его жизни, Гандриг уже не мог вернуть его незнакомцу...

Бросив брусок на наковальню, Гандриг не услышал привычного удара металла о металл – звонкого, радостного, всегда зовущего его к работе. Нет, звук был глухой, угрожающий, недовольный, словно бы этот малопонятный предмет был оскорблен соприкосновением с более низким по рангу железом.

– Я живу уже много лет на Побережье. Я исходил его вдоль и поперек в поисках железных камней, – сказал Гандриг таинственному гостю, – но я никогда не встречал такого тяжелого и холодного железа... Где ты его взял, юноша, называющий себя потомком славного рода Сингасари? Насколько мне известно, в вашем роду никогда не было людей, которые могли бы назвать себя эмпу...

– Разве тебе не все равно, Великий Мастер, где я взял этот кусок железа? – усмехнулся Маджа, продолжая прятать лицо под капюшоном плаща. – И разве тебе не интересно попробовать покорить его? Я вижу, что интересно, Гандриг, так в чем же дело?

– Не знаю, – задумчиво глядя на серый брусок, ответил Великий Эмпу. – У меня такое чувство, что я не должен его трогать, что будет лучше для меня, если я его тебе все-таки верну... Но ты прав, Маджа, я этого уже не могу сделать... Я должен покорить его, хотя он очень опасен.

– Разве может быть опасен кусок мертвого железа? – удивился Маджа.

– Может, – тихо ответил Гандриг. – И он не мертв... В нем жизни больше, чем в нас с тобой вместе взятых. И эта его жизнь – очень опасна для людей...

– Так ты берешься за работу? – нетерпеливо спросил Маджа, не придав значения последним словами Великого Мастера.

– Я уже работаю, – ответил Великий Эмпу, не сводя глаз с железного бруска, холодно и тускло мерцающего в багровых отсветах слегка притухшего пламени горна. – Но я пока не в силах его почувствовать... Он не хочет со мной говорить...

– Клинок мне нужен ровно через пять месяцев... В двадцать девятый лунный день седьмого месяца я приду за ним... Не подведи меня, Гандриг, не то будет большой бедой...

Когда Гандриг оторвал наконец свой взгляд от загадочного бруска, в кузнице уже никого не было, и лишь кожаный мешочек с драгоценными камушками, которые добывают со дна морского возле Черных скал, оставленный Маджой в виде аванса, лежал на верстаке.

3

Увяла, избыла яркая, но, увы, недолгая осенняя краса. Багряными кострами отпыльхали клены, оставив на земле многочисленные визитные карточки приближающейся зимы. Поблекли, словно бы полиняли тополя, обронив с себя золотой наряд... Настал второй осенний месяц, когда все в природе на распутье: повернуть ли обратно к теплу и свету или же безропотно встречать матушку-зиму.

Капризна и переменчива погода в октябре. То выдастся череда теплых и ясных дней ласкового «бабьего лета», а то вдруг зарядит хмурая, ненастная пора с холодными морозящими дождями, в любой момент готовыми смениться мокрым снегопадом. Не зря в народе о такой поре говорят: «В октябре лето встречается с зимой».

Попивая пиво «Старый мельник», Николка сидит в станционном буфете за угловым столиком, поджидая окончание Люськиной смены. Пятница, конец рабочей недели, и у Николки просто распрекрасное настроение. Две недели его бригада выполняла срочный заказ по заготовке осинового рейки для очередной бани очередного мешка с деньгами. Бедную осинку, которая раньше и на хрен никому не нужна была, по всей округе на эти самые баньки почти напрочь извели. И все потому, что толстопузые хозяева жизни вдруг решили, что осина в парилке – самое полезное дерево. Да и хрен бы с ним, но мороки с этой рейкой – невпроворот. Надо эту осинку в лесу найти и спилить, раскряжевать и на пилораму вывезти, а выход с одной осинки – всего – ничего. Другое дело ель, а еще лучше – кедр. Одну кедрину из тайги привезешь и работы бригаде – на полный рабочий день. Кубометр, а то и два вагонки из него получится,

пара кубометров бруса, а там еще тес, щелёвка, всякие рейки да горбыль, ну и, конечно, чудодрова.

Но все одно – хорошо. Пивко холодное, да еще с вяленным лещиком – кайф! Люська смену сдает. А как сдаст, так они оседлают мотоцикл и рванут к ней домой, а там...

– Не скучаешь? – пробегая мимо, заботливо спрашивает счастливая Люська.

– А что мне скучать! – довольно хохотнул Николка. – Когда я, как у Христа за пазухой: сыт, пьян и нос в табаке.

– Я скоро, потерпи, – на ходу треплет рукой жиденькие Николкины волосы Люська. – Я кассу уже сдала, осталось снять остатки...

– Да ладно, не гони, – важно говорит Николка. – Мы еще везде успеем...

Люська радостно всхохатывает, от чего появляются на ее спелых щеках две уютные ямочки, и убегает за буфетную стойку.

«Ничего, бабеч, – одобрительно думает Николка. – Все при ней, потому и мужики липнут. Это, конечно, плохо. Но прав дед, если женюсь – мужики сами собой отпадут, а если нет – рога им буду ломать»...

Вспомнив деда, Николка так весь и засветился, поскольку сразу же вспомнил и Яшку, которого не видел неделю. Как он там, хрен с копытами? Наверное, спутался уже с какой-нибудь губастой красоткой и начхать хотел на Колькины лакомства. Да нет, не должно так быть, не по правилам это... У него вон тоже Люська есть, а он ведь про Яшку не забывает.

Через полчаса Люська с большим фужером белого сухого вина и плиткой шоколада под села к Николке. И тоже облегченно перевела дух – все у нее сошлось-съехалось как надо, все – тип-топ! И даже сумку с продуктами и выпивкой на выходные дни она уже успела собрать. Хороший, бабеч, куда с добром! Зря Николка своим долгим носом вертит: такую кралю уведут – чихнуть не успеешь.

– Ну, и как я, быстро управилась? – горделиво спрашивает Люська.

– Нормально, – солидно отвечает Николка. – Ты у меня просто супер!

– Ладно тебе, – скромничает Люська, маленькими глотками потягивая вино из фужера. – На улице как? Холодно, наверное?

– Есть маленько, – отвечает Николка. – Да ведь осень уже – теплее не будет.

– Это понятно, – вздыхает Люська. – Я сегодня ступила, куртку не взяла, а на твоём мотоцикле только рыбу мороженую возить...

– Почему это? – сразу нахмурился Николка.

– Никогда не разморозится, – простодушно объясняет Люська.

– Ну, так поищи себе с машиной, – с полоборота заводится Николка, неприязненно глядя на Люську. – Здесь их много таких возле тебя ошивается... Я не возражаю.

– Не возражаешь, говоришь? – ответно заводится Люська, но тут же вспоминает, что сейчас, вот в эту минуту, они опять испортят себе все выходные, и потому примирительно шепчет: – Колька, перестань! На хрен мне твои пузаны с машинами, когда у меня есть ты с мотоциклом... И вообще, может, хватит болтать? Поехали!

И хотя Николка еще дуется, но он уже замечает, как загораются Люськины серые, слегка навывкате, глаза, как высоко поднимаются ее небольшие, остренькие груди под плотным свитерком, а потому лишь ворчливо спрашивает:

– Ты про сахар для Яшки не забыла?

– Как же, конечно – забыла, – довольно отвечает Люська. – Только посмотреть бы надо, что там за Яшка у тебя завелся? Может, это и не Яшка вовсе, а Яшиха?

– Вот, дура, – добродушно ворчит Николка, – придумаешь тоже. – И вдруг загорается новой идеей: – А что, поехали к деду на кордон? Завтра сама на него помотришь...

– Ой, Кольша! – пугается Люся. – Далеко... Я же замерзну. Давай завтра, если хочешь... Я дома переоденусь, торт для твоего деда испеку. Будет классно!

На том и порешили. Люська отнесла грязную посуду в мойку, попрощалась со сменщицей, и они вышли на улицу. Уже смеркалось. Дул легкий ветерок, и с тихим шорохом опадали последние сухие листья, укрывая землю пестрым одеялом.

Яшка все реже возвращался по вечерам на кордон и все больше дичился Михалыча. Особенно заметно это стало с началом октября. В последний раз, когда лось склонился к кормушке с комбикормовой болтушкой, а Михалыч привычно хотел похлопать его по крупу, он так шарахнулся в сторону, что и Михалыча напугал, и сам едва с ног не свалился. Михалыч внутренне хоть и огорчился, но вида не подал.

– Ну-ну, молодцом, Яшка! Молодцом, так и надо, – а сам отступился, отошел от загона, чтобы не мешать лосю дохлевать болтушку. Но Яшка к корыту не вернулся, а рано утром, когда Михалыч вышел из дома, его уже и след простыл.

– Вот так, – грустно сказал сам себе Михалыч. – Скоро вообще приходиться перестанет. Николка сильно расстроится, да что делать – лучше так, чем под пули охотников угодить...

Николка приехал, как всегда, в субботу к обеду, да не один, а со своей Люськой. Подлетел на мотоцикле к самому крыльцу и орет как оглашенный:

– Принимай, дед, мою королеву!

Сразу видно, что с утра у Николки трубы горели, и он их слегка притушил, скорее всего – пивком. Глаза шальные, волосы во все стороны разметались и рот – до ушей. Ну а королева его, изрядно перепуганная и слегка осоловевшая от быстрой езды по пересеченной местности, сразу понравилась Михалычу. Ничего девчонка. Мало того, что на мордочку смазливая и вообще – все при ней, так еще и безо всяких выкрутасов к Михалычу подошла, руку протянула и запросто сказала:

– Меня Люсей зовут.

– Михалыч, – привычно отрекомендовал он себя по отчеству, но счел нужным добавить: – Это для своих, близких людей, – тем самым как бы подчеркнув, что он Колькину невесту целиком и полностью принимает в круг своих близких людей.

– Я знаю, – засияла Люська. – Мне Николка много о вас рассказывал.

– Напелел, наверное, всякой ерунды? – улыбнулся Михалыч.

– Нет, почему! – встала на защиту Николки верная подруга. – Как вы Яшку нашли, как на руках его домой несли и от верной смерти спасли, он мне рассказывал. Как вы разных животных зимою подкармливаете...

– Был Яшка, да весь вышел, – поспешил перевести разговор на другое смущенный Михалыч.

– Как – вышел? – Николка, не без труда тащивший в дом увесистую сумку, вытаращил на деда испуганные глаза. – Убили, что ли?

– Тьфу! – сплюнул с досады Михалыч. – Типун тебе на язык, ядрена-матрена...

– Да ты же сам сказал, что...

– Сказал, сказал, – недовольно перебил внука Михалыч. – Слушать иногда надо не ушами, а мозгой.

– Так все нормально, что ли? – ничего не поняла насторожившаяся Люська, переводя удивленный взгляд с деда на внука.

– Нормально, – спокойно ответил Михалыч. – Если не считать, конечно, такой малости, что он вдруг начал дичиться меня...

Почаевничали на небольшой веранде, где стоял у Михалыча круглый стол под клеенкой и три старинных венских стула, оставшихся еще с той поры, когда жива была его Мария

Никитична. Николка, конечно, пару стопарей пропустил, здоровье, так сказать, поправил, а вот Михалыч, а следом за ним и Люська, от выпивки решительно отказались. Да ведь и без выпивки – такая красота кругом...

Пожухли, заметно порыжели травы вокруг кордона. Лишь кое-где, как отголоски лета, зеленеют в затененных местах под кустами папоротник да редкий стебелек полыни. Так и не успев отцвести, остались красоваться в зиму засохшие цветки посконника и пижмы. Да светятся лесными рубинами на калине за ночь промерзшие бусинки ягод, а на рябинах лакомятся любимым кормом рябчики.

– Так он что, вообще может больше не прийти? – выслушав рассказ Михалыча, явно загрустил Николка. Чуткая Люся, заметив это, осторожно положила свою ладонь на его руку, словно придержать хотела от напрасной боли.

– Ну, почему, – закричал Михалыч, отводя взгляд, хотя прекрасно понимал, что и такой вариант не исключен. Раньше-то Яшка, услышав треск мотоцикла, на кордон почти одновременно с Николкой прибегал. А вот теперь что-то его не слышно и не видно, хотя они уже и поговорить, и почаявничать успели.

– А мы ему сахара привезли, – обиженно, словно мальчишка, сказал Николка. – Вон, целую пачку подогнали...

Чтобы перевести разговор и отвлечь Николку, Михалыч, допив чай и опрокидывая кружку вверх дном, что означало для него конец чаепития, со вздохом сказал:

– Мне тут разнарядка из краевого охотобщества поступила... Они там выдали лицензии на отстрел трех быков, то есть – лосей. Так что с началом охотничьего сезона, в первых числах ноября, надо будет встречать гостей...

И в это время в кустах боярки, что густо разрослась сразу за кордоном, послышался громкий хруст и треск, особенно слышный в звонком осеннем лесу. Все насторожились, а Николка даже из-за стола вскочил. И вот он, Яшка, встряхивая лобастой головой, украшенной небольшими «шиллями» – первыми рожками, не без труда вырвался из цепких объятий боярышника, недовольно фыркая и перекатывая волнами поцарапанную колючками шкуру, покрытую коротким, плотным волосом. Неожиданно ярко мелькнула на его могучей шее красная лента – подаренный Николкой «галстук».

– Яшка! – во все горло завопил Колька. – Пришел, Яха... Молодец!

Прихватив пачку рафинада, Николка вихрем слетел с крыльца навстречу Яшке, в то время как зверь легкой трусцой, ничуть не смущаясь, двигался ему навстречу. Михалыч, ревниво глядя на все это, вынужден был признать, что Яшка больше доверяет внуку.

4

Улетели на юг птицы. Последние косяки многочисленных стай гусей-гуменников истаяли над отрогами суровых сибирских гор, а на смену им перекочевали с севера веселые чечетки, хохлатые свиристели и красногрудые снегири. Куда как шумнее стали хозяйки лесной коммуналки – пестрые сойки и черные, с белыми мазками по бокам, крикливые кедровки. В поисках корма они теперь частенько заглядывали на подворье Сергея, и Найда, не поднимая головы, чутко скрадывала их терпеливыми глазами.

В охолодавшем воздухе громче стал дробный перестук дятлов. Вместе с поползнями, синицами и пищухами они неутомимо и старательно обшаривают деревья, тщательно очищая их от расплодившихся за лето насекомых. Поближе к жилью зачастили из лесных уремов ярко раскрашенные сороки. Стремительно пролетая вблизи дачного домика, они своими скрипучими голосами словно бы возвещали о приближающейся зиме: «Скор-ро, скор-р-ро!» На заброшенных огородах, среди пожухлой, сорной травы, иногда встречались редкие теперь фазаны.

Найда, почуяв «серьезную» птицу, ужом сползает с крыльца и моментально растворяется среди желтых кустиков травы: ее окрас шерсти идеально подходит именно для этой осенней поры, она знает об этом и великолепно пользуется своей «цветомаскировкой»...

Пригревшись в кресле-качалке на скудном солнечном тепле, Сергей читает рассказы Андрея Платонова, сохранившиеся у него среди немногих книг, которые удалось выдрать из цепких лап судебных приставов, буквально выбросивших Сергея из собственной квартиры. В «прекрасном и яростном мире» Платонова он чувствовал себя уютно и надежно. С этой книгой забывались все сложные и, на взгляд Сергея, несправедливые повороты его судьбы, случившиеся с ним почти три года назад. Да, именно три года назад, похоронив мать на городском кладбище, он и перебрался сюда, в одночасье став бомжем без жилья и прописки. Около года, пока страсти не улеглись, а борзые ищейки Мармелада не получили команду – отбой, он просидел здесь безвылазно, стараясь днем никому не показываться. Как он выжил, как не сошел с ума от всего случившегося, включая предательство друзей и жестокую хватку криминального отморозка Мармелада, знает, видимо, только его ангел-хранитель...

Но все это было три года назад. Правда, быльем не поросло, но как-то стерлось, стусевалось в памяти Сергея. Теперь он в город почти без опаски навещается, но по прежним адресам не ходит, бывших коллег и товарищей звонками не беспокоит... И, слава богу, не было еще случая, чтобы его в городе кто-то узнал, случайно встретив на улице. Сергей отпустил небольшую бороду, изрядно побитую сединой на висках, надевал круглые солнцезащитные очки, камуфляжный костюм, сохранившийся у него со времен увлечения рыбалкой. В таком наряде, или, как принято говорить на современном языке – с таким прикидом, мудрено было узнать выпускника Московского государственного университета, успешного журналиста, заместителя редактора популярной краевой газеты «Сибирская Звезда». Поэтому и сложилось в городе устойчивое мнение, что Сергей Юрьевич Скворцов перебрался на постоянное жительство в Белокаменную, а по некоторым слухам – даже возглавил там некий «желтый» журнальчик, открытый под крышей зарубежного мужского издания. Слухи эти Сергея вполне устраивали, и он не пытался их развеять...

Вернулась Найда, явно потерпев неудачу: собачка виновато воротила в сторону морду, стараясь не встречаться с Сергеем глазами.

– Что, Найдочка, прокол? – усмехнулся Сергей и призывно похлопал себя по колену. – Бывает, – погладил он теплую, шелковистую шерсть на голове Найды. – Ничего страшного. Да и как ты думала? Сейчас трава шуршит – за километр слышно... А фазаны, это тебе не глупые рябчики. У них по слуху всегда отлично было.

Найда, внимательно вслушиваясь в голос хозяина, наконец-то оторвала морду от его колен и посмотрела на Сергея умными шоколадными глазами.

Вечером завернул на огонек Тихон Петрович, нанятый газовой компанией для охраны дачного кооператива, отведенного для тружеников газопровода. Кооператив расформировали лет пять назад, нарезали людям новые участки, выплатили компенсации, и нанятый из соседнего села Тихон Петрович без малого четыре года сторожил практически пустую землю. За эти годы все, что можно было, растащили, включая ограды из гнилого штакетника, ржавые рифленые листы железа и обуглившийся кирпич бывших дачных печурок. Остался лишь домик Скворцовых с небольшим огородом, уютно притулившийся под боком молодого, буйно разросшегося березняка, да вагончик на резиновом ходу Тихона Петровича. Дороги и дорожки постепенно заросли бурьяном, на месте домишек поднялись крапива да чертополох с лопухами, и Сергей с Тихоном Петровичем оказались в полной изоляции от внешнего мира, что вполне устраивало обоих, правда, по совершенно разным причинам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.